Фуа-гра из топора

Автор:
Дарья Донцова

Фуа-гра из топора

Дарья Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #14

Татьяна Сергеева выбилась в начальницы! Правда, подчиненные ей достались словно на подбор – с левой резьбой. Секретарша, например, превратила Танин кабинет в… столовую! И как в таком дурдоме разбираться со сложным делом? Ванда, домоправительница известного композитора Ксении Кауф, попросила расследовать гибель своей хозяйки. Та якобы покончила с собой, но Ванда кое-что разузнала и поняла: переселиться в мир иной Ксении явно помогли! Правда, вскоре выяснилось, что сделала это… сама Ванда! Да-да, она написала покаянное письмо, где призналась в убийстве, и сиганула с обрыва в реку… Вроде бы все разрешилось само собой, но Танюшу не так легко провести, даже этим блестяще поставленным спектаклем!

Дарья Донцова

Фуа-гра из топора

Глава 1

«Семь раз посмотри на торт, один раз отрежь – и никогда не ешь».

Я постояла около холодильника, на дверце которого магнитом было прикреплено это объявление, сняла листок, покинула кухню, вошла в просторную комнату с офисными столами и сказала даме, сидевшей у самого входа:

– Уважаемая Лора, очень прошу вас более не украшать бытовую технику никакими дацзыбао.

– Танечка, я, как секретарь бригады, обязана следить за состоянием здоровья всех ее членов, – моментально отозвалась тетушка. – А лишний вес приводит к болезням – артрит, холецистит, тромбофлебит, гипертония…

Я решительно прервала Лору:

– Большое спасибо, я очень ценю ваше рвение, но лучше вам сосредоточиться на служебных вопросах, а не на том, кто из нас сколько пищи употребляет.

Секретарша обиженно поджала губы, но промолчала.

Я втянула живот, выпрямила спину и молча скрылась в своем кабинете. Намек на излишние килограммы явно адресован мне, начальнице подразделения Татьяне Сергеевой. Остальные сотрудники, включая саму Лору, все, как один, имеют подтянутую фигуру. Впрочем, меня тоже нельзя назвать кучей жира, я регулярно занимаюсь спортом. Просто у нас нервная работа, без четкого графика, и порой я весь день провожу в офисе, поневоле соблюдая диету, а подчас бегаю, высунув язык, по разным адресам и, падая в обморок от голода, глотаю первое, что попадется под руку. А что попадается занятому человеку под руку? Булочки, пирожные, гамбургеры, хот-доги и лапша быстрого приготовления. Чтобы съесть полезный салат из овощей, заправленный оливковым маслом, нужно зайти в кафе и потратить драгоценное время, которого у меня элементарно нет.

На столе захрипела серая коробочка, я нажала в нее пальцем.

– Татьяна, к вам пришла Ванда Комиссарова, – отрапортовала Лора.

– Проводите ее, пожалуйста, в переговорную, – ответила я, – буду там через пару минут.

– Разрешите приготовить кофе? – спросила секретарша.

Я подавила вздох.

– Пожалуйста.

– Можно подать к нему сахар? – не успокаивалась Лора.

Я собрала в кулак все свое терпение.

– Да.

– Позволите поставить на стол печенье? – усердствовала она.

Мое напускное спокойствие стало тихонечко таять.

– Вы прекрасно знаете, как организовать прием посетительницы. Пожалуйста, Лора, перестаньте задавать праздные вопросы.

Секретарь тут же ринулась в бой.

– Конечно, знаю. И мне казалось, что я отлично справляюсь со своими обязанностями, которые включают в себя и заботу о членах бригады. Но сегодня вы указали мне на ошибку, сняли предупреждение с холодильника, и я растерялась, боюсь совершить новую оплошность, поэтому жду от вас подробнейших указаний. Значит, кофе, сахар и печенье?

– Именно так, – стараясь говорить бесстрастно, согласилась я и открыла ящик своего письменного стола.

Где тут лежит небольшая упаковка шоколадных конфет, недавно подаренная мне Котовым? Антон был начальником бригады, я рядовым его сотрудником, а потом меня неожиданно повысили, сделали руководителем нового, недавно

созданного коллектива, и жизнь моя стала такой нервной, что ежедневная порция шоколада мне просто необходима [1 - О том, как Татьяна Сергеева превратилась в начальницу, читайте в книге Дарьи Донцовой «Всем сестрам по мозгам», издательство «Эксмо».].

Признаюсь, впервые усевшись за стол в своем кабинете, я испытала эйфорию. Стать боссом, понять, что тебя ценят, считают нужной, было необыкновенно приятно. Я исполнилась желания работать как можно лучше, сплотить своих сотрудников в дружную команду, настоящую семью, где один за всех и все за одного. Конечно, я понимала, что свежеиспеченная бригада не сразу превратится в единый организм, и дала себе слово быть спокойной, интеллигентной, разумно строгой и по-деловому требовательной начальницей. Первым делом я съездила в книжный магазин, накупила пособий типа «Как правильно руководить фирмой и не заработать инфаркт» и тщательно проштудировала их. Кроме того, в моей домашней библиотеке появились брошюры «Как подобрать сотрудников», «Психологическое тестирование» и «Создание комфортного морального климата в коллективе».

Десять дней я сидела в офисе одна, ожидая, когда кто-нибудь из вышестоящего руководства пригласит на, так сказать, кастинг моих будущих сотрудников. И в конце концов дождалась – подчиненные сами явились на службу. Оказалось, их приняли на работу, не поинтересовавшись мнением новой начальницы. Таким образом, мне не пришлось применять спешно полученные знания по отбору кандидатов, я получила уже сформированный кем-то наверху коллектив.

Всеми компьютерными делами у меня занимается Роберт Троянов. Ему чуть больше сорока, он был женат, давно развелся и работал в разных местах. Справка, которую на него приготовил кадровик, выглядела как представление к высшей государственной награде: ни одного порицания, сплошные поощрения. Но я насторожилась. Если руководство, заходясь от восторга, хвалит подчиненного – и отдает его в другой отдел, это не очень хороший знак. По-настоящему ценного сотрудника будут изо всех сил ругать и никогда не отпустят. Так почему Роберт постоянно перемещается из одного подразделения в другое? Более трех лет он ни в одном коллективе не задерживался.

Оперативная работа лежит на плечах Дениса Жданова и Елизаветы Кочергиной. Лизу я, слава богу, знаю [2 - История знакомства Сергеевой и Кочергиной описана в книге Дарьи Донцовой «Всем сестрам по мозгам», издательство «Эксмо».], и она мне нравится. Про Дениса пока ничего сказать не могу, кроме

того, что он, если верить все той же служебной характеристике, ангел с пушистыми крыльями: ранее работал в полиции, а в нашу систему попал за ум, храбрость и сообразительность.

Меня не поразило малое количество подчиненных, все подразделения нашего управления немногочисленны. В тех, где я работала до того, как стала шефом нового, тоже было немного сотрудников. Но вот что странно, мне выделили секретаря. Лоре вменено в обязанности заниматься разными хозяйственными вопросами: подавать чай-кофе, проверять, чтобы в туалетах были бумага, полотенца и мыло, следить за порядком в комнатах отдыха (иногда сотрудники вынуждены оставаться здесь ночевать), отвечать на звонки городского телефона, пополнять запасы немудреной еды в офисном холодильнике и не вмешиваться в служебные вопросы.

Я была буквально поражена, когда прочитала личное дело Лоры. Даме исполнилось пятьдесят шесть лет, а как известно, в таком возрасте большинство женщин выходят на пенсию, и прежним местом ее работы была… общеобразовательная школа, где Лора Павловна Селезнева преподавала домоводство. Узнав подробности ее биографии, я впала в глубочайшую задумчивость. Зачем мне секретарь? Там, где я работала ранее, сотрудники сами нажимали на кнопки кофемашины и отвечали на телефонные звонки. И каким образом бывшая училка оказалась в строго засекреченной структуре?

Некоторое время я мучилась любопытством, а потом мне позвонила Лапуля, жена Димона, и все разъяснилось. Но давайте расскажу об этом по порядку.

С Димой Коробковым мы долго работали в одной бригаде и до сих пор дружим. Лапулю я люблю, но не всегда могу понять, о чем она говорит.

Вот и на сей раз супруга Коробкова, как обычно, забыв поздороваться, затараторила:

– Заиньки такие красивые, просто очаровашки! Но от кошек плачут. Зая совсем расстроился! Он хотел помочь, но не знал, что заиньки с кошками не дружат. Кисе ничего не говорит, ей и так плохо, с лапками беда. Зая весь на мыло изошел. Заиньки чешутся, кричат, никто не спит. Крокодиловна с ног падает. Ой, помоги, Танюша!

– Лапуля, позови Димона, – попросила я и, услышав голос друга, спросила: – Что у вас происходит?

Дима засопел и пробубнил:

– Да так, ерунда. Бытовуха.

Но я прекрасно знаю Коробкова, поэтому насела на него и выяснила, в чем дело.

У компьютерного гения есть сестра Олеся. Она моложе Димы, живет в небольшом провинциальном городке и не состоит в браке. Годы летят, выйти замуж Олеся никак не может, а биологические часы неустанно тикают. В конце концов она решила: раз уж не получается найти мужа, она родит ребеночка и будет его воспитывать одна. Сестра Коробкова владеет швейной фабрикой и сетью магазинов, где успешно сбывает произведенный товар, поэтому не боится материальных трудностей. Забеременев, Олеся наняла рабочих, и те оборудовали в ее уютном доме просторную детскую. Затем она нашла квалифицированную няню, договорилась со знающим педиатром и приготовилась руководить бизнесом дистанционно. Короче, предусмотрела все, кроме одного: узи показало, что у нее скоро родятся близнецы, причем мальчики.

Я не медик, поэтому не могу объяснить, почему лучший местный акушер-гинеколог посоветовал пациентке: «Отправляйтесь в Москву. Вам предстоит непростая операция, которую лучше сделать в крупной клинике». Вроде что-то у нее было не так с положением плодов. А еще, полагаю, врача беспокоил возраст женщины, которой предстояли первые роды. Ведь Олесе слегка за сорок. Наверное, врач решил перестраховаться. Есть у некоторых провинциальных эскулапов такая манера – увидят непростой случай и тут же спешат снять с себя ответственность. Мол, в столице в лечебницах есть прекрасная диагностическая аппаратура, не чета нашей бедной больничке.

Сестра Коробкова дама предприимчивая, самостоятельная и хорошо обеспеченная, заработавшая капитал своим умом и трудолюбием. Она не из тех, кто впадает при малейшей трудности в панику и начинает истерически рыдать. Будущая мать выбрала в столице медицинский центр, встала там на учет, за две недели до родов собралась ехать в Москву, и тут ей, словно что-то почуяв, позвонил старший брат, который ничего не знал о беременности Олеси.

Почему она, несмотря на прекрасные отношения с Димой, скрыла от него столь важное событие? На то имелось несколько причин.

Владелица швейного производства понятия не имеет, где на самом деле трудится Димон. Коробков сказал ей, что служит в военной организации, работает на оборону страны, поэтому у него ненормированный график, и подчас он живет в служебном кабинете. Вот Олеся и не хотела волновать брата, отвлекать его от исполнения важных для государства обязанностей. А еще она побаивалась, что братишка, узнав о том, что скоро станет дядюшкой, воскликнет:

– Леська, ты сошла с ума! Не делай глупостей! В твоем возрасте очень опасно впервые рожать. И подумай, ты ставишь крест на своей личной жизни. Мало найдется мужчин, готовых полюбить чужого ребенка. Может, пока не поздно, откажешься от этой затеи?

Олесе не хотелось спорить с Димой, поэтому она избрала тактику партизана на допросе в гестапо – ни словом не обмолвилась брату о предстоящих родах. Но Коробков что-то почуял, звякнул сестрице и живо вытянул из нее правду. Выяснив, что Леся вот-вот должна приехать в столицу, Димон категорично заявил:

– Прекрасно. Я сам встречу тебя на вокзале и препровожу к нам с Лапулей домой.

Олеся попыталась объяснить ему, что нашла в Москве хорошую квартиру, и ей не хочется стеснять семейство Коробкова. А после появления на свет близняшек она уедет домой, где все уже приготовлено к приему детей и матери.

Но Коробок был неумолим, и ей пришлось остановиться у брата.

Олесю радостно приняли все обитатели огромных апартаментов: две престарелые тетушки, Лапуля, крохотный малыш и четыре кошки.

Роды прошли успешно. Мальчики появились на свет здоровенькими, и оба, что редкость для близнецов, имели вес чуть больше трех килограммов, а рост пятьдесят сантиметров. Олеся тоже прекрасно себя чувствовала. Одним словом, ничто не предвещало беды.

За день до выписки Коробкова пошла на очередное узи-обследование. Идти ей предстояло по длинной галерее, пол там выложен плитами из искусственного мрамора. На середине пути какая-то тетка схватила Олесю за руку и принялась умолять:

– Спрячьте меня! Я в ужасной опасности!

Леся сразу поняла, что незнакомка не в себе, попыталась уйти, но сумасшедшая вцепилась в нее мертвой хваткой.

Как назло, в галерее никого не было, а психопатка оказалась невероятно сильной. К тому же Олеся была слаба после операции, вот и не смогла дать отпор напавшей. А та разошлась не на шутку. Чокнутая баба ударила мать близнецов головой о подоконник, Леся потеряла сознание и рухнула на пол. Очнулась она в реанимации с диагнозом: тяжелое сотрясение мозга и перелом костей таза. Слава богу, что в тот момент, когда ополоумевшая тетка начала избивать упавшую Коробкову, в галерее наконец-то появились двое студентов-медиков – они скрутили безумную и вызвали врачей для Олеси.

Сейчас сестра Димона лежит в том же центре. Она находится под воздействием сильных лекарств. Владелец клиники, боясь, что история с нападением станет известна широкому кругу людей, сказал примчавшемуся Димону:

– Сотрудники, не проследившие за душевнобольной, доставленной для проведения операции по прерыванию беременности, уволены. Олесе Коробковой мы окажем необходимую помощь в полном объеме. Вип-палата, питание по высшему разряду, наблюдение лучших травматологов – все бесплатно. Я не снимаю с себя ответственности за произошедшее, но, поймите, никто не застрахован от форс-мажорных обстоятельств.

Димон не собирался судиться с больницей, прекрасно зная, что это бесперспективное дело, поэтому просто сказал:

– Надеюсь, вы поставите сестру на ноги.

И новоиспеченный дядюшка забрал близнецов к себе домой.

Глава 2

Тетушки Димона, засучив рукава, начали ухаживать за детишками. Но учтите, совокупный возраст отважных пожилых дам равен примерно ста шестидесяти годам, и в квартире есть еще один младенец – ребенок Димы и Лапули. Коробков быстро понял, что им нужна няня, порылся в Интернете, поднял на ноги всех знакомых и в конце концов нашел некую Эмму Гавриловну, которую Лапуля тут же переименовала в Крокодиловну. На пару дней в доме воцарилась относительная тишина и некое подобие порядка. А потом новорожденные разом заболели – у них поднялась температура, начался насморк, кашель, полились слезы из глаз. Спешно вызванный педиатр с ходу поставил диагноз: у крошек аллергия на кошачью шерсть, необходимо убрать из дома животных.

Дима страстный кошатник, но ему пришлось спешно эвакуировать из квартиры своих любимиц. Киски с пакетами своего корма, туалетами, мягкими матрасиками, ошейниками и прочим богатым приданым временно перебрались ко мне. Однако близнецам лучше не стало.

Был вызван другой врач. Он подтвердил вердикт своего коллеги: да, у мальчиков аллергия. Но ее причиной являются не четверолапые обитательницы апартаментов.

– На глазок диагноз не поставить, – вещал педиатр, – надо провести лабораторные исследования, чтобы установить аллерген.

Около недели в квартире Коробкова все стояли на ушах, а потом пришли результаты анализов. Выяснилось, что близняшки столь негативно реагируют на кожные частицы… Лапули. Да, да, причиной золотухи детей Олеси являлась жена Димона! Очень редкий, но подробно описанный в научной литературе случай аллергии на человека.

Коробков приехал ко мне забирать реабилитированных мурок и сказал, что сейчас спешно ищет квартиру, куда перевезет Эмму Гавриловну с парнишками. А я предложила ему обменять кисок на детей.

– Зачем тратить деньги? – убеждала я друга. – В Москве приличную жилплощадь сдают за круглые суммы. А у меня три комнаты, просторная кухня, два санузла, лоджии, плюс стиральная машина с функцией ухода за детскими вещами и разная другая бытовая техника. Меня почти не бывает дома, сплю я, как кирпич, никакого неудобства от присутствия малышей не почувствую. Они мирно лежат в кроватке, не бегают, не разговаривают, с кошками и то забот больше, чем с новорожденными. Да и не мне же предстоит печься о них, для этого есть Эмма Гавриловна. Друзей надо выручать. Ты, Димон, неоднократно помогал мне, теперь настал мой черед оказать тебе услугу.

Крокодиловна с малышами живо перебралась по новому адресу, и теперь мы живем вместе, весьма довольные друг другом.

Эмма Гавриловна милая женщина, она постоянно хлопочет по хозяйству, я теперь завтракаю вкусной геркулесовой кашей на молоке и пью какао. А вечером, когда возвращаюсь домой, на столике у плиты стоят заботливо завернутые в одеяло кастрюльки с тушеными овощами и рыбой или картофельным пюре и куриными котлетками. Уплетая простую, но очень вкусную еду, я ощущаю себя третьим близнецом. Правда, немного мучаюсь совестью, ведь у Крокодиловны хватает своих забот, а она еще и меня успевает баловать.

Пару дней назад, собираясь на службу, я открыла шкаф, обнаружила идеально отглаженные блузки и сказала Эмме Гавриловне:

– Извините, я, наверное, случайно бросила свои высушенные кофточки в корзинку с неглажеными вещами мальчиков. Я вовсе не собиралась подсовывать вам собственные мятые наряды.

– Нет, Танюша, – улыбнулась Крокодиловна, – вы очень аккуратно складываете свою чистую одежду на полку в кладовке. Но у работающей женщины нет свободного времени на то, чтобы махать утюгом, а мне глажка доставляет удовольствие.

Я окончательно смутилась.

– Огромное спасибо, но, право, мне как-то неловко.

– Я вас понимаю, – кивнула Эмма Гавриловна. – Но тогда я не буду есть шоколадные конфеты, которые вы покупаете специально для меня. Сами-то, я вижу, сладкое стараетесь не употреблять.

– Вашей фигуре может позавидовать любая девушка, – вздохнула я, – похоже, у вас сорок второй российский размер, а я едва влезаю в пятидесятый. Шоколадки позволяю себе лишь в момент стресса, я успокаиваюсь от сладкого. Вам нравятся марципаны в шоколадной глазури, вот мне и хочется вас порадовать. Я люблю делать людям приятное.

– А я люблю гладить, и мне приятно вас порадовать, – парировала Крокодиловна. – Детки спокойные, особых хлопот не доставляют, у меня много свободного времени остается. Ну, так как, продолжаем радовать друг друга?

Я улыбнулась.

– Пожалуй, сегодня я прихвачу к вечернему чаю еще и трюфели с орешками.

Эмма Гавриловна кивнула. И неожиданно добавила:

– Забыла сказать! Я лучше всех умею заделывать дырочки. Знаете, я заметила на вашем трикотажном платье пару спущенных петель, так я исправлю незадачу, ладно?

Вчера вечером к нам с Крокодиловной, как всегда, нагруженный пакетами, заглянул Димон. Я забрала у него упаковки памперсов, банки с сухой молочной смесью, бутылки детской минералки без газа, усадила приятеля на кухне, налила ему чаю и не удержала вздоха.

– Что случилось? – мигом отреагировал он.

– Завтра придет первый клиент, а я не очень уверена в сотрудниках, – призналась я. – Никогда ведь не руководила расследованием да и слегка побаиваюсь подчиненных. Денис и Роберт помалкивают, зато Лора трещит без умолку и изо всех сил пытается стать главной в коллективе. Похоже, я не нравлюсь ни мужчинам, ни бывшей училке. И зачем только ее прикрепили к моей

бригаде? Между прочим, эксперта у меня до сих пор нет, зато секретарша в наличии. Лучше бы наоборот было…

Димон отвел глаза в сторону и слишком весело воскликнул:

– Какая хорошая погода установилась! Апрель, а тепло, как в июне!

– Эй, ты что-то знаешь про Лору? – подскочила я. – Немедленно рассказывай.

– Ну, понимаешь… – замямлил Коробков, – короче… в общих словах…

– Говори! – приказала я.

Он потер шею.

– Селезнева – любимая женщина нашего директора Ивана Никифоровича.

– Так она ж пенсионерка! – ляпнула я.

– И что? – усмехнулся Димон. – Ему тоже не двадцать, он уже трижды дедушка.

– Хочешь сказать, что высокое начальство изменяет жене? – уточнила я. – Лора моложе любовника, но все равно, это странный выбор. Обычно мужики в возрасте предпочитают юных блондинок.

Коробков оглянулся на дверь и понизил голос.

– Супруга Ивана умерла десять лет назад, остались дети – сын и дочь. Парень значительно младше сестры, чем занимается, я понятия не имею. Вся инфа про начальство засекречена. Про то, что он вдовец и живет с Лорой, я узнал… Впрочем, какая тебе разница, откуда приплыли сведения. Просто имей в виду: твоя секретарша совсем не простая тетка. Иван Никифорович не может на ней жениться, потому что дочь очень негативно настроена против Лоры, считает ее виновницей смерти матери. С супругой директора какая-то темная история случилась. Вроде она поехала на дачу, а там орудовал грабитель. Он зарезал не вовремя явившуюся хозяйку и исчез, растаял, как сахар в горячем чае.

– Хочешь сказать, что наш босс не нашел убийцу? – опешила я. – Это невозможно!

– Никаких подробностей о смерти его жены не знаю, – поморщился Коробок. – Лора никогда не работала в системе. Почему сейчас шеф решил пристроить ее в твое подразделение? Думаю…

Димон вдруг умолк и отвернулся к окну. А я рассердилась:

– Из тебя сегодня сведения прямо клещами приходится вытаскивать!

Коробков сложил руки на груди.

– Тань, ты совсем не интриганка, работаешь и не особо интересуешься внутренними делами управления. Тебе не приходило в голову спросить: по какой причине именно тебя сделали руководителем новой бригады?

– Очевидно, за мой ум и прочие способности, – гордо ответила я. – А еще Антон сказал, что руководство решило впервые дать шанс встать у руля женщине. Поэтому я чувствую большую ответственность.

– Антон Котов человек Ивана Никифоровича, – покачал головой Димон, – он служит ему верой и правдой. Но и над Иваном есть шеф, Петр Степанович. Слышала о нем?

– Да. Правда, никогда не встречалась с самым наиглавнейшим нашим начальником, – призналась я.

– Кстати, он не наиглавнейший, – поправил Димон. – Структура управления проста. Ты отлично знаешь, что до недавнего времени в его состав входило восемь подразделений. Их руководители подчиняются директору, Ивану Никифоровичу, который в свою очередь тоже имеет босса – Петра Степановича. А уж тот непосредственно общается с человеком, придумавшим и основавшим эту структуру. Как зовут последнего, кто он такой, знает один Петр Степанович. Я подозреваю, что хозяин нашей системы очень богат, потому как управление он финансирует, а мы не особенно стеснены в денежных расходах. Все начальники бригад являются ставленниками либо Ивана, либо Петра, они участвуют в

совещаниях, где принимаются решения по стратегическим вопросам. Тебя туда тоже позовут. Ну, а теперь представь, что Ваня с Петей расходятся во взглядах на проблему. Как тогда пройдет голосование на совете? Ничья. Четыре «за», четыре «против». Это я тебе примитивно объясняю. Замечу еще, что между Иваном и Петром Степановичем бывают словесные дуэли, бурное выяснение отношений, один не хочет уступать другому. И тому, кто содержит структуру, неизвестному нам, но реальному ее хозяину, надоел базар. Он решил найти честного, не вошедшего ни в какие коалиции и союзы бригадира, который будет заседать в Совете, думая о пользе дела, а не о личных интересах. Вообще, я предполагаю, что очень скоро в управлении среди руководства начнутся перестановки, кое-кто может лишиться своего кресла. Но пока самодержец изучает обстановку, думает, как лучше реорганизовать работу. Понимаешь?

Я поежилась.

– Намекаешь, что я и есть тот самый «честный и не вошедший»?

– Ага, – кивнул Димон. – Поэтому Ваня с Петей живенько заслали в твою бригаду шпионов. Иван Никифорович оформил на ставку секретаря Лору, которой он доверяет больше, чем себе. А вот кого внедрил Петя, я понятия не имею. Только вряд ли это Денис или Роберт.

– Почему? – тут же поинтересовалась я.

– Ну как тебе объяснить… – задумался Коробок. – Например, Жданов недавно перешел из полиции, служил на земле в обычном отделении, его отобрал человек, подыскивающий новые кадры для управления. Дениса тщательно изучали, в его деле прослеживаются результаты стандартной проверки. Он пока не оброс знакомыми в системе, то есть наивный неофит.

– Лиза тоже новичок, – сказала я, – ее родственники были связаны с КГБ. Кочергина – женский вариант Жданова. И мне трудно представить, что она стучит кому-то на меня – Лизавета не похожа на шпионку.

Димон хмыкнул.

– Отличное замечание для опытного сотрудника. Позволь напомнить: профессионального засланного казачка трудно вычислить.

– Пожалуйста, не читай мне лекцию, – отмахнулась я.

– А ты не пори чушь, – немедленно отбил подачу Димон. – В данный момент Иван Никифорович и Петр Степанович изучают ставленницу того, кто владеет структурой. Спорить с императором оба не смеют и боятся за свои места – а ну как их турнут?

– Из системы не уходят, – напомнила я. – Даже тот, кто по возрасту или состоянию здоровья отошел от дел, может быть в любую минуту призван на работу.

Коробков прищурился.

– Оно, конечно, так. Но что лучше, сидеть в отдельном кабинете, заниматься интересными делами, или выдавать в архиве пыльные папки? В управлении полно нудной работы. Поставят тебя топтуном у двери или наружным наблюдателем, будешь носиться хвостом за объектом и докладывать о том, кто, куда и с кем пошел, и получать выговоры от оперсотрудников за нерасторопность. Или вот еще «ответственное» занятие: отсматривать записи видеокамер. Очень увлекательно. Сейчас Иван Никифорович приказывает кому-то сидеть у компьютера и пялиться в монитор. А вдруг ему самому велят ловлей мышей заниматься? Не забывай про мужской менталитет. Для мужика упасть с верхней ступени служебной лестницы на нижнюю намного болезненнее, чем для женщины. Вот Ваня с Петей и хотят понять, почему именно Татьяна Сергеева выбилась в бригадиры, какие у нее планы, метит она на высокую руководящую должность или нет. Если им придет в голову, что Танюша представляет для них опасность, собираясь их потеснить, тогда они начнут войну с конкуренткой. Но перед тем, как открыть боевые действия, Ваня и Петя, люди осторожные, профессионалы сыска, решили тщательно изучить обстановку. Иван Никифорович сглупил. Он считает, что про него и Лору никому не известно, поэтому она стала твоим секретарем, и мы теперь в курсе – тетка его человек. А вот Петр Степанович оказался хитрее. Лично я пока не могу сообразить, кто его стукачок. Короче, будь очень осторожна. И еще. Думаю, завтра тебе подсунут какое-нибудь особенно заковыристое дело. Оба босса категорически возражали против твоего назначения, каждый хотел пропихнуть в бригадиры нового подразделения своего человека. Так что они постараются, чтобы ты облажалась, завалила расследование. Тогда Ваня с Петей дуэтом скажут: «Ну что с бабы взять? Она исполнительный сотрудник, но, увы, не лидер». В общем, послушай

совет друга. Веди себя, как обычно, не показывай вида, что знаешь, кто такая Лора, не пытайся с ней подружиться. Держи на расстоянии Дениса, Лизу и Роберта. Танюшка, ты сейчас, как та болонка, что случайно затесалась в драку питбуля и ротвейлера, сражающихся за сочный кусок мяса.

– Пока здоровенные псы грызут друг друга, маленькая собачонка может незаметно подползти и утащить вырезку, – улыбнулась я. – Надеюсь, ты понимаешь, что я не собираюсь вольготно устраиваться ни в кабинете Ивана, ни в офисе Петра. Меня интересует практическая работа, а не общее руководство. Пост бригадира пик моей карьеры. И знаешь, я совсем не уверена, что он мне очень уж нужен. Я теперь постоянно нервничаю, боюсь не оправдать доверия, попасть впросак, повести себя непрофессионально.

– Постарайся в любых ситуациях сохранять спокойствие, – посоветовал Димон. – И последнее. Перестань искать Гри. Он никогда к тебе не вернется. Точка. Смирись. Думаю, ты сама поняла, что пора перестать гоняться за призраком, тебе просто трудно признать свое поражение, но когда-нибудь придется это сделать. Вы расстались давно, и вам не суждено быть вместе. Гри умер! Оттуда, куда он ушел, возврата нет [3 - О том, как Татьяна познакомилась со своим мужем и как потеряла его, читайте в книгах Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!», «Золотое правило Трехпудовочки» и «Агент 013», издательство «Эксмо».]. Хорошо?

Я молча кивнула. Но Димон остался недоволен:

– Нет, скажи словами.

– Я больше не ищу Гри, – тихо произнесла я, – он умер.

Коробок встал и обнял меня за плечи.

– Это как вскрыть нарыв. Сначала больно, затем плохо, но постепенно рана затягивается, остается лишь шрам. Кое-что навсегда забыть не получится, но можно научиться жить дальше, не ковыряя ежедневно ссадину. Поверь, я знаю, о чем говорю.

На том наш разговор и закончился…

В дверь кабинета постучали, потом между косяком и створкой просунулась идеально причесанная голова Лоры.

– Татьяна, все собрались в комнате переговоров и ждут вас.

Я быстро прогнала воспоминания о беседе с Димоном и, озарив лицо приветливой улыбкой, воскликнула:

– Спасибо, уже бегу!

Глава 3

В просторной комнате за круглым столом сидела вся моя команда, а также худенькая невысокая блондинка с простым, милым, этаким русско-рязанским лицом – голубые глаза, чуть курносый нос, светлые брови и рот с тонкими губами.

– Здравствуйте, – сказала я, – извините за задержку. Я Татьяна Сергеева. А вы Ванда Комиссарова?

– Да, – чуть испуганно подтвердила женщина, – верно.

Я решила сразу брать быка за рога.

– Что привело вас к нам?

Блондинка стиснула ладони в кулаки, прижала их к груди, сделала вдох, приоткрыла рот, но не успела произнести ни слова. В переговорную вплыла Лора с подносом в руке.

– Кофеек! – громко объявила она. – Сахар и печенье.

Я удивленно сказала:

– Большое спасибо. Только нас пятеро, а чашек всего две.

Лора заморгала.

– Простым сотрудникам тоже можно пить кофе? Я думала, по статусу он положен только вам и гостье.

Лиза опустила глаза. Денис, наоборот, уставился на меня. Один Роберт, сидевший перед открытым ноутбуком, никак не отреагировал на заявление секретарши.

Я постаралась обратить неловкую ситуацию в шутку.

– В трудовом договоре у каждого из нас есть строчка: «Имеете право на одну бесплатную порцию кофе в год». Думаю, сегодня тот самый день, когда все могут воспользоваться этой привилегией.

Лора нахмурилась и ушла. Я поставила свою чашку перед Елизаветой и посмотрела на Ванду.

– Слушаем вас внимательно.

– Не знаю, с чего начать, – смутилась она.

– От печки, – неожиданно подал голос Денис.

– У нас дома ее нет, – заморгала Комиссарова.

– Тогда от стиральной машины, – улыбнулась Лиза. – Без разницы, главное, чтобы мы поняли, в чем корень проблемы.

– В Ксении Кауф, – робко произнесла Ванда. – Ксюша много лет назад наняла меня няней к своей дочке, со временем мы стали лучшими подругами, можно даже сказать, сестрами, и никогда не расставались. И вот, Ксения Львовна недавно умерла от тяжелой болезни. Ой, простите!

Ванда вытащила из сумочки бумажный носовой платок и приложила его к глазам. Потом заговорила быстро и путано. Я не хотела прерывать ее, слушала молча и в конце концов разобралась в сути дела.

Ксюшу знают миллионы людей, вот только они не в курсе, что знают именно ее. Сейчас расшифрую загадочную фразу, произнесенную Вандой в самом начале рассказа. Ксения Львовна известный композитор, написала невероятное количество песен, которые исполняют лучшие эстрадные певцы. Простой слушатель, как правило, не задумывается над тем, кто сочинил стихи и мелодию. А Ксения была стеснительным человеком. Талант в себе она открыла поздно, долгое время преподавала музыку в обычной школе, не помышляла ни о больших деньгах, ни о вселенской славе. И даже когда ее песни зазвучали повсюду, чуралась прессы, не участвовала в телепрограммах.

Красивую фамилию Кауф она получила от первого мужа Генриха, этнического немца, и от него же родила дочку Беатрису. Девочке еще не исполнилось и года, когда ее отец отбыл на историческую родину, в Германию, и с тех пор никогда не вспоминал ни о ребенке, ни о той, с кем оформлял брак. Ванда не знала, по какой причине разбежалась пара, Ксения старательно избегала разговоров на эту тему. А когда ее дочь, вступив в подростковый возраст, категорично потребовала объяснения, почему отец ушел из семьи, в ответ сказала:

– Мы были очень разными людьми и не смогли притереться. Генрих не пил, не распускал рук, не ходил налево, я старалась быть хорошей хозяйкой, не изменяла супругу. Но отношения не складывались. На беду, у нас не было своей квартиры, оба жили в коммуналках и никак не могли поменять две комнаты на однушку. Материальные и жилищные проблемы разрушили не одну семью, наша не стала счастливым исключением. Где сейчас находится господин Кауф, я понятия не имею. Он уехал в Германию много лет назад. Думаю, ему живется трудно, поэтому он и не платит алиментов. Генрих порядочный человек, он просто беден и не способен помочь нам деньгами.

Сама Ксюша тоже жила совсем небогато, из дорогих вещей у нее было лишь старинное пианино, доставшееся от бабушки. Продать его Ксения не согласилась бы никогда: оно являлось семейной реликвией.

Когда Беатрисе стукнуло двенадцать, Ксения Львовна нашла себе подработку. Учительница дала в бесплатной газете объявление: «Провожу детские музыкальные праздники» – и неожиданно стала получать много заказов.

В основном Кауф приглашали на дни рождения. Ксения Львовна играла с малышами, пела им песенки собственного сочинения, получала скромное вознаграждение и была счастлива. А потом фея удачи вспомнила про нее и прикоснулась к ее плечу волшебной палочкой. Ксению позвали на именины восьмилетней Машеньки, где присутствовали почти все ее одноклассники. Детям очень понравился праздник, но особенно он пришелся по вкусу подружке именинницы Лене, чей отец был весьма обеспеченным человеком. И вскоре Кауф пригласили на девятилетие самой Леночки, еще там была певичка Алина. Последняя пожаловалась случайной напарнице, что у нее нет хороших песен.

– Композиторы совсем охренели, – сетовала она, – дерут немереные тысячи. Я вот написала стихи, но какая же песня без музыки.

– Дай мне текст, – предложила Кауф.

Вот так и началось. Господь решил вознаградить Ксению за все прежние ее тяготы. Она написала музыку и отдала Алине клавир бесплатно – ей и в голову не пришло, что за это можно брать деньги. А дальше события завертелись со скоростью света. Певичка исполнила новую песню на каком-то корпоративном празднике, где в числе гостей был муж одной из сотрудниц фирмы. Он оказался генеральным продюсером крупной радиостанции, ему понравились и Алина, и спетая ею песня. Через неделю голос никому не известной исполнительницы зазвучал из всех радиоприемников. Алина живо стала любимицей слушателей. Позже она получила несколько премий, прочно поселилась в телеэфире и теперь является звездой. А на Ксению дождем посыпались заказы.

Счастливая Кауф, получавшая огромное удовольствие от сочинения музыки и впавшая в эйфорическое состояние от того, что ее творчество нравится людям, была готова раздавать ноты направо и налево, совершенно не думая о гонорарах. Наивностью ее быстро воспользовался певец Баринов, жадный и неумный человек. Получив от начинающей композиторши пакетом восемь песень, ставших впоследствии хитами, он стал хвастаться, как ловко обошелся с ней.

– Посидели в дешевой кафешке, – потирал руки Баринов, – я угостил Ксению салатом, сказал, что моя мама рыдает, когда слышит песню Алины, и вуаля – дамочка подарила мне толстую папку с нотами.

Спустя короткое время к Кауф приехала Алина и сказала:

– Знаешь, дорогая, ты давай твори, а финансовой стороной вопроса будет заниматься Володя Резников. Он человек честный, к тому же юрист, а по совместительству мой старший брат.

Через год Ксения начала строительство загородного дома и вышла замуж за Владимира.

Каким-то образом она ухитрялась ваять стопроцентные хиты. Любые стихи, положенные на ее музыку, в одночасье запевала вся страна. Исполнители и продюсеры прекрасно знали: если ты имеешь в репертуаре хоть одно произведение Кауф, никогда не останешься без концертов.

На протяжении почти десяти лет бывшая учительница была счастлива, жила с любимым мужем, который обожал супругу и ее дочь Беатрису. Деньги не изменили Ксению Львовну: она осталась скромной, стеснительной, чуралась веселых компаний, не бегала по тусовкам, вела размеренный, если не сказать замкнутый, образ жизни. Кауф наперебой атаковали журналисты всех мастей, желавшие взять интервью, но поговорить с ней не удалось никому – Владимир тщательно оберегал жену от папарацци, та ни разу не засветилась ни в телепрограммах, ни в гламурной прессе.

Алина, ставшая не только золовкой, но и лучшей ее подругой, тоже держала язык за зубами. На все вопросы о родственнице певица неизменно отвечала: «Ксения поглощена творчеством. Она простой человек, которому Господь подарил великий талант, но ее частная жизнь это ее частная жизнь».

Газетчики не потеряли к Кауф интереса, но писать им было совершенно нечего.

А около месяца назад Ксении не стало.

– Вроде она была не пожилой? Почему она умерла? – удивилась я.

Ванда судорожно вздохнула.

– У Ксюши начал развиваться рассеянный склероз, а медицина пока не способна кардинально бороться с этим недугом. Мы надеялись, что болезнь удастся загнать в стадию ремиссии, и врачам одно время удавалось поддерживать мою бедную…

Голос клиентки сорвался. Но Ванда справилась с собой и продолжила.

– Зимой Ксюша прочитала в газете статью, где отнюдь не врач, а безграмотный борзописец, подробно рассказал, какие ужасы ждут человека, страдающего рассеянным склерозом. Ксения, к сожалению, никому не сообщила, какие мысли вызвала у нее публикация, а я не обратила внимания на то, что она стала уж очень тихой. Впрочем, Ксюша никогда не была шумной, и я решила, что у нее очередной творческий кризис. У Кауф наступали порой периоды, когда новые мелодии не рождались. Как правило, это происходило в мае или феврале. Но сейчас я понимаю, та злополучная статейка, обещавшая больным людям всяческие ужасы, сильно напугала Ксению, и она стала думать о самоубийстве. Она была очень гордой, не хотела никого обременять, боялась стать обузой, старалась сама себя обслуживать. Поймите, Кауф творческий человек и все воспринимала обостренно. А тут еще неделю назад один телеканал показал репортаж из больницы, где лежат несчастные люди с рассеянным склерозом. Ну и…

Ванда махнула рукой, помолчала, потом устало добавила:

– Журналисты пишут всякую чушь, нагнетают обстановку, чтобы повысить тираж своих изданий. Им не приходит в голову, что люди, которые страдают от недуга, могут поверить врунам. Отчего бы не сообщить, что с рассеянным склерозом можно прожить много лет вполне деятельным человеком? Сейчас созданы лекарства, задерживающие развитие болезни. Но Ксюша, напуганная прессой, решилась на самоубийство.

Глава 4

Ванда закашлялась. Лиза взяла бутылку с минералкой, налила воду в стакан и подала Комиссаровой.

– У вас возникли какие-то сомнения насчет смерти Ксении Львовны? – неожиданно спросил Денис.

Ванда резко выпрямилась.

– Медэксперт заявил, что ни малейших следов насилия не обнаружено, Ксения по собственной воле ушла из жизни. Но подождите, я не все рассказала. Когда жене поставили страшный диагноз, Владимир сразу нанял опытную медсестру, хотел, чтобы Ксения всегда была под присмотром, ей ведь требовалось делать уколы, массаж, разные манипуляции. Однако, когда сиделка поселилась в доме, Ксения взбунтовалась: «Я буду ощущать себя заключенной, за которой постоянно ходит надзиратель». И Володя отказался от услуг медсестры, сам научился обращаться со шприцем, капельницей, овладел приемами мануального терапевта. Только Резникову приходилось уезжать из дома по делам, я тоже отлучалась, и Ксюша иногда оставалась одна. Она была очень мужественной, никогда не жаловалась, не плакала, не демонстрировала слабости.

– И все же женщина, обладавшая столь сильным характером, решилась на суицид… – покачала головой я. – Судя по вашим словам, Ксения была не из тех, кто легко сдается.

Ванда подняла указательный палец.

– Вот! Совершенно с вами согласна. Я работала у Кауф всю жизнь и ни разу не видела ее в отчаянии или сетующей на судьбу. Нет, если случалась неприятность, она всегда говорила: «Главное, мы живы, остальное чепуха. Справимся».

– Простите, – перебил Ванду Жданов, – если я правильно понял, Ксения, пока не стала писать музыку, испытывала материальные трудности.

– На зарплату учительницы трудно поднимать одной ребенка, – кивнула Комиссарова. – Кауф в те года еле-еле хватало денег от аванса до получки.

– И тем не менее она наняла вас, – продолжал Денис. – Вероятно, у нее был некий дополнительный доход, о котором она никому не сообщала?

Ванда поморщилась.

– Нет.

– Странно, – не успокаивался Денис. – Откуда тогда средства на домработницу?

Комиссарова отвела взгляд в сторону.

– Я в тот год приехала в Москву из провинции. Думала, в столице под ногами золото валяется, да только наивность моя живо испарилась. Жить негде, надо снимать комнату, работу найти трудно… В конце концов я пристроилась уборщицей в пяти местах, в том числе в школе, где вела занятия Кауф. Мы симпатизировали друг другу, так и познакомились. Один раз я пожаловалась Ксении, что придется опять искать жилье, а она в ответ посетовала на болезненность Беатрисы. Мол, отдала дочку в ясли, и теперь у нее постоянно то насморк, то кашель, то температура. А через пару дней Ксюша предложила: «Давай жить вместе. Квартира у меня большая, у тебя будет своя комната. За коммунальные услуги я ни копейки не возьму, еда бесплатная. А ты взамен станешь присматривать за Триси». Так она дочурку называла. Вот с той поры мы и жили вместе.

Я кашлянула.

– Мы слегка отвлеклись от темы. Что привело вас к нам?

– Ксюшу убили, – коротко сказала Ванда. – Надо наказать того, кто поднял на нее руку.

– Экспертиза признала факт самоубийства, – подал голос Роберт, смотревший в экран компьютера. – В акте указано, что снотворное, которое приняла Кауф, было выпито ею добровольно, нет ни малейших следов насилия, которые непременно остаются, если человека вынуждают проглотить лекарство. Что навело вас на мысль об убийстве?

Комиссарова открыла свою сумку, вынула конверт и протянула мне.

– Ксюша приняла решение уйти из жизни, потому что поняла: впереди ее ожидает полнейшая беспомощность. Понимаете, она могла смириться с любыми обстоятельствами, кроме одного: стать зависимой от других. Но на самом деле произошло убийство. Читайте.

Я взяла листок.

– Анализ крови на токсины? Обычно, если суицид не вызывает сомнений, его не делают. Исследование дорогостоящее, а у полиции бюджет ограниченный, приходится экономить.

Ванда кивнула.

– Ну да. Я, так сказать, приватно попросила об этой услуге, оплатила ее из собственного кармана. Результат пришел лишь сейчас, спустя почти месяц после похорон.

– Это еще быстро, – пробормотала Лиза.

– Тетанобарин[4 - Существует подобный яд, но из этических соображений его правильное название не приводится. – Здесь и далее примечания автора.], яд, близкий к ботулотоксину. Это что такое? – удивилась я, глядя в листок.

– Есть такое опасное заболевание – ботулизм, – пояснила Елизавета. – Возбудитель часто живет в консервах, как домашнего, так и заводского изготовления.

– Ксения часто употребляла консервы? – спросила я. – Что-то я ничего не понимаю. Кауф скончалась от снотворного, но незадолго до смерти она съела испорченную еду и просто не успела заболеть ботулизмом?

– Нет, – ответил Роберт, по-прежнему не отрываясь от ноутбука. – Хм, какая, однако, интересная штука… Симптомами рассеянного склероза являются усталость, снижение остроты зрения, спастичность, нарушение координации движений. Но теперь посмотрим на симптомы ботулизма: мышечная слабость, нарушение зрения, паралич, парез. Очень похоже, правда? А у Кауф в крови обнаружен тетанобарин, который, говоря по-простому, является младшим

братом ботулотоксина, этот яд вызывает те же последствия, что и возбудитель ботулизма. Но тетанобарин гораздо менее действенен, и если правильно подобрать его дозировку и регулярно давать человеку, то врачи легко могут принять его за больного рассеянным склерозом. Бедняга сразу не умрет, будет медленно загибаться.

Лиза и Денис переглянулись. Ванда посмотрела мне прямо в глаза.

– Ксения никогда не была больна. Ее планомерно травили ядом, вызывающим симптомы рассеянного склероза, и довели до самоубийства.

– Интересная версия, – пробормотала я, разглядывая бумажку с результатами анализа. – Как же вы додумались провести его? И где сделали? На бланке нет ни штампа лаборатории, ни печати, ни подписи специалиста.

Ванда развела руками.

– Простите, но никаких координат человека, проводившего исследование, я вам не дам. Кто он, где работает, как я его нашла, значения не имеет. Главное – результат. В полицию я с ним, по понятным причинам, пойти не могла, поэтому сижу у вас. А насчет того, почему вдруг я затеяла проверку крови Ксюши… Вот взбрело в голову, и все. Просто засомневалась в диагнозе, который ей поставили.

– Почему? – тут же поинтересовалась Лизавета.

Комиссарова пожала плечами.

– Если скажу, вы будете смеяться.

– Даже не улыбнемся, – пообещала я. – Говорите.

– Мне сон приснился около месяца назад, – после паузы произнесла Ванда. – Как будто сижу я на полянке, погода чудесная, солнышко светит, вокруг беленькие маргаритки цветут, птички щебечут. Прямо рай. Вдруг вижу, Ксюша идет по тропинке, в розовом платье, рукавчики-фонарики, юбочка коротенькая. Я ей рукой машу. И тут с дерева на нее выливается черная жижа, и Ксения падает.

Хочу к ней подбежать, но не могу с места сдвинуться, ноги парализовало. А она плачет, зовет: «Ванда, помоги». Потом из леса выползает нечто страшное, хватает ее и утаскивает в чащу. Последнее, что я слышу, отчаянный крик подруги: «Меня отравили!» Жуткий кошмар. Я проснулась в холодном поту и подумала: «Что-то не так, надо непременно поговорить с Ксенией, вдруг сон вещий».

Она замолчала и закрыла глаза рукой.

– Вы побеседовали с ней? – спросила я.

– Не успела, – пробормотала Ванда. – Утром она себя не очень хорошо чувствовала, сказала, что от слабости ноги дрожат, и ушла к себе. Мне не хотелось ее беспокоить. Но часов в шесть вечера я все же отправилась к ней. Обычно Ксения весь день сидела за инструментом, но тогда вообще не прикоснулась к клавишам, из ее комнаты не доносилось ни звука. Меня этот факт удивил, и я, несмотря на то, что прекрасно знала, как негативно она реагирует, если ввалиться в ее комнату без приглашения, решилась нарушить правило, предписывающее не мешать ни под каким предлогом творческому процессу. И нашла Кауф мертвой. На столе лежала записка. Содержание ее точно не помню, что-то вроде, мол, простите, никто ни в чем не виноват.

«Мои любимые Триси, Володенька, Алина, Ванда и Виктор Маркович. Решение уйти из жизни я приняла сама, – громко начал читать вслух Роберт, уставившись в компьютер. – Находясь в трезвом уме и твердой памяти, объясняю причину своего поступка: лучше умереть, чем лежать без движения, лишившись зрения. Болезнь прогрессирует, я с трудом управляю своим телом, значит, пора. Жаль, что жизнь должна закончиться так быстро. Прощайте, мои дорогие, нежно любимые Триси, Володенька, Алина, Ванда и Виктор Маркович. Поймите меня. Не плачьте. Я буду вашим ангелом-хранителем. Я люблю вас. Ксения Кауф».

– Так вы возьметесь за это дело? – с надеждой спросила Комиссарова. – Найдете человека, который травил Ксюшу?

– Постараемся изо всех сил, – сказал Денис. – И восстановим справедливость.

Я посмотрела на Елизавету. Та чуть приподняла бровь. Отлично, сегодня Кочергина объяснит Жданову, что клиентам никогда ничего не следует обещать.

– Спасибо, – выдохнула Ванда.

– Нам понадобится список людей, живущих и бывающих в вашем доме, – попросила я. – Друзья, родственники, соседи, домработница, шофер, садовник… Постарайтесь вспомнить всех, кто контактировал с Ксенией.

Ванда нахмурилась.

– Владимир, Беатриса, Алина и доктор Виктор Маркович. Четыре человека. Других нет. Ах, да, еще я.

Глава 5

– Как же так? – удивилась я. – Вы ведь живете в загородном доме, неужели у вас нет домработницы, садовника, сторожа? А певцы, которые заказывали композитору музыку? Подруги Кауф?

– Горничная Варвара Борисова уволилась год назад, вернее, ее выставили вон за плохое поведение, – стала пояснять Ванда. – Другую поломойку нанимать не стали, Ксения не хотела видеть лишних людей. Продюсеры, покупавшие песни, общались исключительно с Резниковым. Подруг у Кауф, кроме меня, не было. Садовник приходит каждый вторник, но никогда не переступает порог особняка, с хозяйкой не встречался. Она редко выходила из дома.

– Елизавета сейчас запишет телефоны врача и Варвары Борисовой, – распорядилась я. – И, конечно, нам придется встретиться с Владимиром и Беатрисой.

Кочергина встала.

– Пойдемте, Ванда. Я сразу внесу нужные сведения в компьютер.

Я опустила голову. В отличие от Дениса, Лиза сообразительна, мигом поняла, что Комиссарову следует на время увести.

Едва Ванда покинула комнату, как я обернулась к Жданову и негромко сказала:

– Не стоит раздавать опрометчивые обещания и обнадеживать человека. Если нам не удастся разобраться с делом Кауф, будет очень неудобно.

– Просто я посочувствовал тетке, она, похоже, здорово нервничала, – вспыхнул парень.

– А мне, наоборот, клиентка показалась очень спокойной, – вмешался в разговор Роберт. – Я еще подумал: говорит не эмоционально, что-то тут не так.

– Ты не прав! – перебил его Денис. – Хотя голос у Ванды не дрожал и слезы из глаз не капали, она находилась на грани нервного срыва.

– И по каким признакам ты это определил? – заинтересовалась я.

Жданов начал загибать пальцы.

– Комиссарова прекрасно владеет собой, контролирует тембр голоса, держит эмоции в кулаке. Но кое-что ей не подвластно. Например, вена на шее у внешне спокойной рассказчицы билась очень часто. Похоже, пульс перевалил за сто двадцать ударов в минуту. Пару раз Ванда облизала губы, потом потерла глаза, потрогала нос и регулярно покашливала.

– И что? – не понял Роберт. – У живого человека постоянно что-нибудь чешется.

– Не стану с тобой спорить, – усмехнулся Денис, – но в данном конкретном случае, думаю, речь идет о пересыхании слизистых оболочек. Вот почему у Ванды першило в горле и возник дискомфорт с губами и глазами. А когда у человека это случается? В момент сильного нервного напряжения.

– Мало кто может на самом деле остаться равнодушно-холодным, рассказывая о смерти лучшей подруги, – заметила я.

– У Ванды не просто естественные в подобном случае переживания, – возразил Жданов. – Она очень напугана. Вспомним ее руки.

– Чем они тебе не понравились? – изумилась я. – Комиссарова прекрасно выглядит, у нее отличная стройная фигура. Если тебя смутили короткие рукава платья, так напомню: на дворе теплый апрель. Ванда может себе позволить такой фасон, несмотря на не юный возраст. Похоже, наша клиентка занимается спортом.

– Ага, – кивнул Денис, – совсем не жирная сарделька, как некоторые. Ой, простите, Татьяна, это я так, по глупости ляпнул, вовсе не вас имел в виду… Руки у нее и правда тренированные, ничего не висит, но они то и дело покрывались мурашками.

– Может, она замерзла? – разумно предположил Роберт.

– Температура в помещении не менялась, – уперся Жданов. – Нет, точно говорю, у нее вегетативная нервная система ни к черту. Полагаю, она давно живет в стрессовой ситуации.

– Так понятно, почему, – вздохнул Роберт.

Я подошла к компьютерщику.

– Что ты имеешь в виду?

Троянов сдул с клавиатуры невидимые глазу соринки.

– Пока вы слушали Комиссарову, я порылся по базам и нашел данные на милейшую Ванду Мстиславовну. Помните, она говорила, что много лет назад приехала в столицу из провинции? Мол, на приличную работу не берут, за жилье много требуют…

– И что? – скривился Денис.

– Наврала? – предположила я.

– Ну, не совсем. – Роберт ухмыльнулся. – Так вот, дамочка москвичка, закончила педагогический техникум, одно время работала воспитательницей в детском саду. Интересный факт. Комиссарова увлекается альпинизмом, кандидат в

мастера спорта, участвовала во многих восхождениях. Сейчас, правда, уже не бегает по горам, но состоит в клубе любителей скалолазания, Ванда там вице-председатель. Вот почему у женщины далеко не юного возраста прекрасная фигура, прямая осанка и красивые руки. Мораль: занимайтесь спортом, и тогда время над вами будет не властно. Но Комиссарова не солгала, она действительно недолго жила в Мордовии.

– Что она там забыла? – удивилась я.

– Работала по контракту, – выдвинул свою версию Денис. – Так многие поступают – нанимаются, например, на плавучие рыбзаводы, зарабатывают себе на квартиру, машину.

– Я не очень сильна в географии, но подозреваю, что по Мордовии корабли, на которых женщины готовят консервы, не курсируют, – улыбнулась я.

– Вы меня не дослушали, – укорил нас Роберт. – У Комиссаровой не было отдельной жилплощади и, похоже, надоело ей жить в коммуналке, а посему наша спортсменка убила ножом свою соседку Марфу Вирову и ее кошку.

– Господи, киску-то зачем? – растерялся Денис.

– Небось мяукала громко, – вздохнул Троянов. – Ванду Мстиславовну осудили, отправили на зону в Мордовию, где дамочка отсидела странно маленький срок, была условно-досрочно освобождена и вернулась в Москву.

– Интересно, Ксения знала, что приглашает в свой дом бывшую заключенную, да еще убийцу? – пробормотала я.

– Думаю, на сей вопрос ответа мы не услышим, – вздохнул компьютерщик.

– Ход ваших мыслей понятен. Но зачем Комиссаровой травить Ксению, которая помогла ей? И они ведь дружили долгие годы, – занервничал Денис.

Роберт вздернул брови, но ничего не сказал. А я медленно произнесла:

– Не всякий человек способен на убийство, но если некто один раз переступил черту, то, вполне вероятно, может совершить преступление дважды, трижды, четырежды. Однако у нас нет мотива. Пока мы не знаем, зачем кому-то понадобилось лишать Кауф жизни.

– Завещания покойная не оставила, – тут же ответил Роберт, не отрывая взгляда от монитора, – следовательно, все ее имущество отойдет ближайшим родственникам: мужу и дочери. Кстати, по документам загородный дом принадлежит Владимиру Резникову. Интересно, почему особняк оформлен именно на него? В семье-то зарабатывала жена. Странно, что композитор не захотела стать владелицей хотя бы половины здания. Так доверяла супругу? Абсолютно не боялась, что муж уйдет от нее, прихватив уютный домик? Но в случае с Кауф главное состояние – авторские права на песни.

– Все чудесатее и чудесатее, как говорил в детстве мой брат, – хихикнул Денис. – И что теперь делать?

– Сделай одолжение, – попросила я, – сходи к Лизе и посмотри, не завершила ли она беседу с Комиссаровой.

– Ага, сейчас сбегаю. – Парень встал и двинулся к выходу. Но на полпути обернулся. – Вообще-то глупо получается. Если Ксению Львовну отравила Ванда, зачем она сюда-то пришла? Кауф похоронили месяц назад, все шито-крыто. И совсем тупо делать анализ крови на яд, если сама его покойной и подсунула.

– В жизни всякое случается, нельзя делать скороспелые выводы, – заметила я. – Ну, иди же к Кочергиной.

Денис исчез за дверью.

– Вроде он в полиции служил… – протянул Троянов.

– Так указано в анкете, – подтвердила я, – попал в нашу бригаду за высокий профессионализм.

– Почему тогда идиотские вопросы задает? – не успокаивался Роберт. – Можно подумать, Жданов впервые участвует в расследовании.

– Вероятно, он стесняется, – предположила я.

– Стеснительный полицейский? – Троянов засмеялся. – Это новый, неизвестный науке зверь. Извините, Татьяна, опыт не пропьешь. Я тоже могу смутиться, но если мне в этот момент велят поискать в Интернете некие сведения, никогда не стану спрашивать, что такое поисковая система или как попасть в «Гугл».

– Мы только начинаем работать вместе, надо сделать скидку на данное обстоятельство, – примирительно сказала я. – Кстати, у нас до сих пор нет криминалиста. Иван Никифорович никак не пришлет эксперта. Надо непременно заставить Ванду назвать имя человека, делавшего токсикологию Кауф.

Троянов поднял руку.

– Не стоит гнать коней. Сегодня Комиссарова отказалась дать сведения о том, кто ей помог, и не надо на нее давить. Мы с ней еще не раз встретимся и аккуратно вытянем информацию. Попросим сюда подъехать завтра-послезавтра, заведем спокойную беседу. Ванда расслабится и непременно проговорится. А сейчас она и правда, похоже, слишком нервничает, нельзя на нее наседать – добьемся противоположного эффекта – клиентка замкнется.

– Хорошо, – согласилась я.

Троянов хотел продолжить, но у меня в кармане зазвонил мобильный. Я достала трубку и услышала голос Крокодиловны.

– Танюша, вы когда сегодня собираетесь вернуться?

– Что-то случилось? – вопросом на вопрос ответила я.

Эмма Гавриловна на секунду замялась.

– Детки совершенно здоровы.

Мне фраза не понравилась.

– А вы?

Няня молчала, и я перепугалась.

– Говорите скорей!

– Зуб беспокоит, – призналась Крокодиловна, – заныл десятого числа.

– А сегодня пятнадцатое! – ахнула я. – Почему вы не обратились к врачу?

– Так клык ведь давно под коронкой, я подумала, ерунда какая-то, скоро пройдет, – принялась оправдываться Крокодиловна. – Вчера боль утихла, и я обрадовалась, да рано. Сейчас щеку разнесло, температура поднялась…

– Уже еду, – перебила я и поспешила на выход.

Но сразу уйти не удалось.

– Татьяна! – закричала Лора, выбегая в коридор. – Я хотела получить от вас точные указания насчет…

– Давайте поговорим позднее, – мирно произнесла я.

– Нет, сейчас! – возразила вредная секретарша. – Нельзя оставить столь важный вопрос, как подача кофе сотрудникам, без немедленного обсуждения!

Продолжая трещать, Лора сделала пару шагов вперед и вдруг, нелепо взмахнув руками, упала сначала на колени, затем завалилась на бок, вскрикнула и расплакалась.

Я кинулась к ней.

– Вам больно?

– Ужасно, – сквозь слезы прошептала Лора, – я умираю.

Я погладила секретаршу по голове.

– Бедняжечка… Попробуйте пошевелить ногами. Получается?

– Вроде да, – всхлипнула она.

Я обрадовалась.

– Похоже, перелома нет. Ну-ка, приподнимитесь…

– Таня, что вы делаете? – слабо засопротивлялась Лора.

Но я, обхватив секретаршу за талию, уже тащила ее в комнату отдыха. Там усадила на диван и велела:

– Снимайте чулки. Надо приложить лед.

Лора опять заплакала.

– Господи, такое ощущение, словно меня током ударило.

Я сама начала стаскивать с нее колготки и приговаривать:

– У кошки болит, у собаки болит, а у Лоры не болит.

Секретарша вдруг улыбнулась.

– Вы со мной, как с маленькой…

– Зато вы перестали плакать, – улыбнулась и я, прикладывая к коленке вредной дамы специальный охлаждающий пакет из нашей аптечки. – Думаю, кости целы, но рентген лучше все-таки сделать. Я вас отвезу в нашу поликлинику.

– Спасибо, Татьяна, – тихо произнесла Лора, – не надо. Боль отступает, это просто сильный ушиб. Но мне почему-то очень обидно. Нога подвернулась, и я свалилась кулем. Старая становлюсь, никчемная развалина.

Я села рядом с Лорой и обняла ее.

– Вот уж глупость! О какой старости вы говорите? Вы красивая женщина, я от зависти стол грызу, когда смотрю на вашу стройную фигуру. У меня такой нет и не будет. И мы без вашей помощи погибнем. Вы очень ценный сотрудник. Вы хозяйка офиса, его душа.

Лора промокнула глаза тыльной стороной ладони.

– Извините мою несдержанность. Я совсем не плаксива, просто пала духом в минуту боли. Ну, вот, продемонстрировала слабость и истеричность…

Я засмеялась.

– Хорошо, что вы не видели меня в кресле у стоматолога. Вот где разыгрывается истерика! Что-то я не услышала от вас никаких криков. А споткнуться на ровном месте может каждый, я сама часто шлепаюсь в самый неподходящий момент.

– Спасибо, Таня, – повторила Лора. – Идите по своим делам, со мной все в порядке.

Когда я вошла в квартиру, Эмма Гавриловна запричитала:

– Ой, как неудобно получилось… Танюша, вы ушли со службы!

– Я сейчас свободна, – лихо соврала я, – спокойно поезжайте к стоматологу.

– Я быстренько сгоняю, – пообещала Крокодиловна, – обернусь мигом.

– Не спешите, – улыбнулась я, – справлюсь с мальчиками.

– Я все вам на бумажке написала, – засуетилась няня. – Покормить их надо через полчаса. Смесь разведете по схеме, бутылочки в стерилизаторе. Веселенький любит тонкую сосочку, а Умненький предпочитает ортопедическую. Памперсы в шкафу. Веселенький в японских штанишках, а Умненький в американских. Можно им чаек дать, он в графине.

– Как интересно вы малышей называете, – засмеялась я, – Веселенький и Умненький.

– Так имен-то пока у них нет, – пригорюнилась Крокодиловна. – Мать до сих пор в больнице. Ну, ничего, выздоровеет и решит, как сыночков окрестить. Но ведь надо же как-то к детишкам обращаться? Вот я и придумала.

Эмма Гавриловна ойкнула и схватилась за щеку.

– Ну все, идите скорей, – спохватилась я.

Крокодиловна убежала.

Я пошла в ванную, но не успела помыть руки, как раздался звонок в дверь. Пришлось нестись в холл. Думая, что это вернулась няня, я схватила трубку домофона и пропела:

– И что забыли? Кошелек? Очки? Или всю сумку целиком?

– Танечка, кошечка, возьми мою собачку, – захныкали в ответ.

Я наконец-то глянула на экран и увидела свою соседку Анастасию.

– Мама не приехала, – застрекотала Настя, когда распахнулась дверь, – пожалуйста, возьми Лючию, иначе я… Ах!

Она сделала шаг, откинула голову назад и замерла в заученно эффектной позе.

Настюша балерина. Особых высот в карьере она не достигла, дотанцовывает последний год до пенсии в никому не известном коллективе «Лучшие звезды Москвы». У нее прекрасная осанка, великолепная фигура, и на первый взгляд ей больше двадцати пяти лет не дать, но на самом деле возраст моей соседки подкатывает к сорока. Ее мать, безмерно заботливая и говорливая Ирина Олеговна, столкнувшись со мной на лестнице, моментально начинает причитать:

– Моя-то стрекоза все пляшет! Хоть бы какого муравья себе нашла… Да где ж ей с приличным человеком познакомиться, если постоянно носится по гастролям?

Собачку вот завела, Лючию, а ей давно пора детей родить. Танюшенька, образумь Настюшу. Хватит ей искусством болеть, надо о личной жизни подумать. Ей бы с тебя пример взять.

Я обычно улыбаюсь и смиренно отвечаю:

– Я никак не могу служить примером, сама вышла замуж за работу.

– Ты хоть из Москвы не выезжаешь, – вздыхает Ирина Олеговна. – А мне опять бедную Лючию к себе отвозить. Может, забрать собачку насовсем? Прямо жаль животное, день у своей хозяйки проводит, неделю у меня.

И вот сейчас на пороге стоит Настя со своей обычной просьбой:

– Пожалуйста, приюти ненадолго Лючию, мамуля уже в пути. Или у тебя занятия?

Соседи, как, впрочем, и Эмма Гавриловна, считают меня преподавательницей русского языка и литературы, которой надоело стоять у классной доски с указкой в руке, и она стала репетитором, бегает по частным урокам. Отчасти это правда, я имею диплом педагогического вуза и когда-то работала в школе. Откуда у простой училки дорогой новый внедорожник, прекрасная квартира и модная одежда? Ну, понятное дело, это подарки богатого любовника, чье имя я тщательно скрываю, поскольку папик женат.

– Так как? – закатила глаза Настенька, разворачивая ступни во вторую позицию.

– Давай сюда, – кивнула я.

Анастасия поцеловала собачку в мордочку и протянула ее мне.

– Не скучай, кисонька, мамочка скоро вернется и привезет тебе подарочек. Чао, чао!

Я взяла отчаянно пахнущий французскими духами комок шерсти, захлопнула дверь, посадила Лючию на пол и усмехнулась:

– У тебя прекрасный характер. Я бы на твоем месте укусила любого, кто обозвал меня кошкой.

Лючия лишь тихонько тявкнула, и в ту же секунду я услышала сердитый крик одного из младенцев.

Глава 6

Поскольку близнецы совсем маленькие и еще не умеют переворачиваться, сидеть и стоять, спят они в одной просторной кроватке.

Я подошла к деревянному сооружению с решетчатыми стенками, глянула на двух совершенно одинаковых деток и впала в задумчивость. Кто из них Веселенький, а кто Умненький? Хотя, какая разница, крошки все равно пока ничего не понимают. Пусть тот, что проснулся первым, будет…

Младенец заорал с такой силой, что я, позабыв про имена, схватила его и кинулась на кухню, приговаривая на ходу:

– Сейчас, сейчас… только не вопи так, брата разбудишь…

И точно! Из детской долетел рев второго ребенка. Секунду я колебалась. Потом поспешила назад, вернула первого орущего мальчика на место и, провожаемая сердитым воплем двоих, помчалась на кухню. Надо приготовить бутылочки с едой.

Предусмотрительная Крокодиловна поставила банку «Бэбиням» на самом видном месте. Я схватила ее и начала изучать текст на этикетке.

«Для приготовления молочной смеси возьмите необходимое количество порошка…» Вот здорово! А какое оно, необходимое? Ладно, почитаю дальше. «Объем «Бэбиням» рассчитывается по весу ребенка. См. таблицу». Я повертела жестянку. Ага, вот и цифры. «От 4 до 5 кг – 2 дозы. 5–7 кг – 4 дозы. 8 кг – 5 доз». Я оторвалась от текста и задумалась: навряд ли братья тянут больше чем на восемь килограммчиков. Так, что там дальше? «Будьте внимательны,

превышение дозы опасно для здоровья малыша. Ни в коем случае не увеличивайте количество порошка, но и не уменьшайте его».

Я растерялась. Сколько же весят детки? Мне нельзя ошибиться!

Младенцы завопили в унисон.

– Сейчас, сейчас… – засюсюкала я. – Подождите, дайте соображу… не кричите, умоляю…

Куда там! Умненький с Веселеньким удвоили старания.

Оказывается, голодный детский плач очень нервирует. Я заметалась по квартире. Что же делать?

«Таня, успокойся! – приказала я себе. – Вспомни, в ванной есть замечательный прибор, на который ты взгромождаешься каждое утро в надежде на то, что увидишь чуть меньшую, чем вчера, цифру».

Я живо схватила одного возмущенного до крайности мальца, в два прыжка преодолела расстояние до санузла, положила безобразника на весы и уставилась в окошечко. Ничего. Вероятно, электроника не реагирует на всякую мелочь. Ну и как поступить? Нельзя ведь разводить «Бэбиням» на глазок!

На секунду я ощутила себя мореплавателем, который остался один-одинешенек в утлой лодочке посреди бескрайнего океана. Но тут в голову пришла гениальная идея: надо взять Умненького и Веселенького по очереди на руки, взвеситься сначала с ребенком, потом без него, произвести простое вычитание, и делу конец!

Нахваливая себя на разные лады, я осуществила первую операцию. Результат – семьдесят девять кило. Отлично, запомним цифру. Теперь оттащим малыша в детскую и узнаем, сколько тянет Танечка без него… Как девяносто два?! Каким образом я ухитрилась так растолстеть?

Сначала меня охватила паника, потом включился ум. Без ребенка я не могу весить больше, чем с ним. И тут окошечко мигнуло, в нем появилось слово

«батарейка». Я впала в отчаяние. Надо же, именно сейчас весам приспичило потребовать новый элемент питания!

Так, главное – не сдаваться. Вроде запасливая Эмма Гавриловна держит в шкафу непочатые пакеты с крупами. Сейчас положу несколько штук в авоську, возьму ее в одну руку, а ребенка в другую, и попробую сама поработать весами, сообразить, какая ноша тяжелее.

Ой, нет, это потрясающая глупость. И что делать? Ну почему столь предусмотрительная Крокодиловна не указала в памятке нужное количество порошка? На нее это совсем не похоже.

Я ветром понеслась в кухню. Где листок с инструкцией няни? Ага, читаю: «Полторы мерные ложки смеси растворить в 120 мл воды комнатной температуры. Танюша! Выньте бутылку с жидкостью из холодильника заранее, ей надо постоять минут пятнадцать. Если детки проснулись раньше, слегка подогрейте водичку. Правильная температура очень важна. В горячей погибнут все витамины, в холодной порошок растворится комками».

Я с шумом выдохнула. Вот зачем я принялась изучать этикетку на банке? Надо было сразу хватать рекомендации Крокодиловны.

Малыши завопили так, что я испугалась, как бы не рухнул потолок. Следовало действовать быстро, несчастные детки ужас как проголодались.

Я открыла банку. А где мерная ложечка? Ее тут нет! Боже, сколько трудностей подстерегает женщину, решившую накормить ребенка… Неудивительно, что демографическая ситуация в России отнюдь не радужная. Но я уже набралась опыта. Ну-ка, глянем в руководство от няни: «Танечка, если вы потеряли мерку, то воспользуйтесь десертной ложкой, она точь-в-точь соответствует ее объему».

Заглянув в ящик, где хранятся столовые приборы, я впала в ступор. Десертная ложка – это то, при помощи чего едят десерт. Значит, не чайная и не столовая. А какая? Лично я лопаю торт или желе тем, что подвернется под руку, а в кафе вам чаще всего дают небольшую вилочку, которой, кстати, очень неудобно орудовать. Так как выглядит десертная ложка? Вот уж глупый вопрос – у меня в доме отсутствуют пресловутые ложки для сладкого!

В полном отчаянии я потрясла банку. Кремовый порошок съехал в сторону, показался кусок пластмассы. Я чуть не заорала от радости. Мерная ложечка! Она не пропала, просто провалилась в сыпучее содержимое. Трясущимися от счастья пальцами я выудила крохотный ковшик и замерла. Вода! Я забыла достать ее из холодильника!

Умненький и Веселенький плакали навзрыд. У меня опустились руки, потом неожиданно пришла злость. Сергеева, неужели ты не способна дать крошкам обед? Я встрепенулась, достала с полки холодильника пластиковую емкость, отлила из нее немного жидкости в ковшик, водрузила его на плиту – и поняла, что передо мной возникла новая проблема. Комнатная температура – это температура в комнате. А какова она? Никогда ранее я не озадачивалась на сию тему. Тридцать шесть и шесть? Конечно, нет. Но сколько? Эмма Гавриловна строго предупредила о необходимости соблюдать точность.

Из моей груди вырвался всхлип, и одновременно с ним пришло решение. В квартире тепло? Значит, и вода должна быть просто теплой.

Дальше дело пошло быстро. Я потрясла бутылочку и живо растворила порошок, поняв в этот момент, какой душевный подъем испытывал Суворов, преодолев Альпы. Затем прилетела в детскую, взяла одного малыша, села в кресло и приблизила к крохотному личику соску.

Несчастный мальчуган вцепился в нее и начал с шумом глотать. Я перевела дух. Слава богу, Рубикон перейден. Жаль только, что у меня не четыре руки, второй брат сильно нервничает. Ну ничего, сейчас и его накормлю до отвала. Я внимательно посмотрела на сосредоточенно поглощающего еду Умненького. Почему я решила, что это именно он? Уж больно серьезный у ребятенка вид.

Довольно скоро младенец закрыл глазки, соска выпала у него изо рта. Я положила его к вопящему братцу и, приговаривая: «Ну не злись, сейчас все будет хорошо», – метнулась на кухню.

Сидевшая на стуле Лючия робко затявкала. Собачка, похоже, тоже не прочь подкрепиться. Но я отмахнулась от нее:

– Пардон, дорогая, не до тебя сейчас. Вот близнецы пообедают, тогда и поговорим!

Собачка положила мордочку на стол и вздохнула. Я невольно улыбнулась. Если мне когда-либо взбредет в голову идея обзавестись четвероногим любимцем, это будет кто-то вроде Лючии – милый, ласковый, неконфликтный песик с розовым бантиком на длинной челке.

Чтобы приготовить смесь для Веселенького, мне потребовалось меньше минуты. Невероятно довольная собой, я прискакала в детскую, вытащила из кроватки красного от гнева ребятенка и начала его уговаривать:

– Зачем так сердиться? Тетя уже тут. Ну, давай, ням-ням, вкусно. Сделай милость, уменьши звук, иначе твой только что заснувший братец очнется, и тогда всем мало не покажется.

Но Веселенький не собирался меня слушаться, его вопль перешел в диапазон ультразвука. Сейчас он совершенно не походил на Веселенького, это был скорее Злобненький. А еще крошка не желал сосать смесь. Я подносила к его губам бутылочку, но малыш выплевывал соску и без устали работал пожарной сиреной.

Через пару минут у меня возникло ощущение, что я ору сама и давно устала от вопля. Потом появилось чувство тревоги. Что с Веселеньким? Почему он отказывается от еды? Неужто заболел? Я уже была готова звонить педиатру, но тут вдруг младенец притих и начал лениво поглощать смесь. Я мысленно перекрестилась и затаила дыхание, чтобы не мешать ему. Кое-как, с большими перерывами, братик Умненького слопал треть бутылочки, потом икнул и закрыл глаза. Я очень осторожно уложила его в кроватку и на цыпочках направилась в сторону кухни.

Всегда считала, что ухаживать за пеленочными младенцами нетрудно. Вот дети школьного возраста доставляют огромное количество хлопот – они бегают, задают нескончаемые вопросы, не слушают ни родителей, ни педагогов, их надо заставлять учить уроки, следить, чтобы они не попали в плохую компанию, быть постоянно начеку и держать про запас ведро успокаивающих капель. А какие хлопоты с милыми ребятками в ползунках? Покормил их, попоил, умыл, спать уложил и сиди, смотри телевизор.

Только мне пока что-то не удалось насладиться любимой телепрограммой про путешествия, процесс кормления крошек занял уйму времени. Я села на стул и взяла составленную Крокодиловной памятку. Надо проверить, какие там еще

указания. Глаза побежали по тексту, написанному ровным аккуратным почерком: «Танечка, после кормления непременно подержите ребят сусликом, чтобы из желудка вышел воздух».

Загадочность фразы поставила меня в тупик. Подержать ребят сусликом? Это как? Если мне не изменяет память, суслик – это небольшое животное размером с белку. Вероятно, Эмма Гавриловна сделала ошибку, хотела написать: «Подержите ребят так, как их держит суслик». Я потрясла головой. Разве грызун может взять младенца в руки? Извините, в лапы? Нет, это следует понимать так: «подержите ребят, как держит своих детей суслик». Из груди вырвался тяжелый вздох. Ну почему Крокодиловна решила привести в пример именно этого зверька? Полагала, что я потомственный сусловод и сразу пойму, о чем речь? Что во мне есть такого, говорящего о прекрасном знании грызунов? А главное – как суслик держит своих детей?

Я схватила ноутбук и залезла в поисковую систему. Господи, сколько их на свете, этих сусликов! Есть крапчатый, скалистый, американский, калифорнийский, кольцехвостый, черноголовый, голохвостый, реликтовый, мексиканский, малоазиатский. И еще тьма разновидностей! Но ни одной фотографии, на которой суслики были бы с отпрысками!

А что, человеку обязательно проделывать с младенцами сусловые действия? То есть действия суслячьих мам? Ой, что-то у меня мысли путаются, нет такого слова – «суслячие». Надо говорить… э… э… Сусликовицы? Или сусловые самки? Черт побери! В какую позу поставить новорожденного? Стоп, их же нельзя ставить!

У меня закружилась голова. Успокойся, Танечка, самое важное, что наконец-то в квартире воцарились тишина и покой, сейчас я соображу, как надо поступить…

Из детской полетел отчаянный вопль. Я поспешила на зов, почувствовала неприятный запах и удивилась. Чем воняет? Вроде, когда десять минут назад я покидала комнату, в ней витал нежный аромат детской косметики. Но долго раздумывать на эту тему нет времени. Вот интересно, один мальчишечка спит и похож на ангела. Второй, красный и сердитый, выводит на одной ноте:

– А-а-а-а-а!

Надо же, какие они разные. У одного нервы из нержавейки, его не разбудить и пушечной канонадой, второй – вредный рёва. Ну и кто он? Умненький? Веселенький? Не помню, кого с какой стороны положила.

Я наклонилась над кроваткой. Запах усилился, и стало понятно его происхождение. М-да… Не очень приятная ситуация, но делать нечего. Только перед тем, как начать гигиеническую процедуру, я, наученная горьким опытом, внимательно изучу руководство, составленное предусмотрительной Крокодиловной. Ну, что у нас там?

«Танечка, если потребуется сменить деткам памперсы, помните: Умненький лежит в японских, а Веселенький в американских. Трусики хранятся в самом нижнем отделении шкафа. После того, как вымоете ребяток, непременно помажьте их маслом, оно на полочке у холодильника».

Я потерла руки и заглянула в шкаф. Прекрасно! С бумажными штанишками сложностей не возникнет, на одной упаковке сплошные иероглифы, на второй надпись «Made in USA». Осталось лишь выяснить, кто из ребят кто. Я взяла красного от гнева малыша, притащила в ванную и растерялась. Как его мыть? Положить целиком в ванночку? Но у крошки проблема исключительно с нижней частью тела, а верхняя чистая. Вероятно, для омовения подойдет миска!

Я отнесла мальчика назад в кроватку, выбрала на кухне эмалированную плошку, поставила ее в ванной в раковину, притащила крошку, стала снимать с него одежки, поняла, что емкость неудобная, вернула крикуна к мирно почивающему братцу, приволокла лоток в виде большой сливы, сгоняла за ребятенком, попыталась устроить его в лотке, догадалась, наконец, что бузотера лучше всего обмыть прямо под краном, сняла ползунки, вспомнила про полотенце, опять сносилась по маршруту детская – ванная. Потом повторила забег, так как вовремя не подумала о памперсе, затем минуты три искала специальное мыло с губкой… И все это под безостановочный крик малыша. В конце концов с проблемой удалось справиться, осталась сущая ерунда – помазать его маслом.

Я положила притихшего ребенка в кроватку, бодро потрусила на кухню и замерла у полки, повешенной справа от холодильника. И какой продукт имела в виду Крокодиловна? Здесь выстроились по росту бутылочки. «Оливковое, первого отжима», «Испанская смесь с ароматом трюфеля», «Салатное с лимоном», «Подсолнечное перцовое», «Льняное от бабушки», «Рапсовое от дедушки», «Австралийское из кенгуру». Я вздрогнула. Ну и ну! Бедные

сумчатые, незавидная у них, однако, судьба. Так чем лучше обмазать свежепомытую детскую филейную часть?

На какой-то момент в душу закралось сомнение – вдруг я совершаю глупость? У малышей полный набор средств, небось и маслом их мажут специальным. Но ведь Крокодиловна написала про полку у холодильника. Раз Эмма Гавриловна решила, что для Умненького и Веселенького лучше подойдет продуктовый вариант, не мне с ней спорить. Так какую бутылочку предпочесть? Таня, включи мозг!

Я уставилась на разнокалиберные бутылки. Ладно, призову на помощь логику. Масло с лимоном и перцем отметается сразу. Выжимка из несчастного кенгуру тем более – вдруг она вызовет аллергию? Остаются льняное и рапсовое. Поколебавшись секунду, я схватила то, что сделано старушкой, вернулась в детскую, щедро намазала попку весело размахивающего руками-ногами младенца, ловко застегнула на нем памперс и попыталась всунуть извивающееся тельце в ползунки.

Вам когда-нибудь приходилось надевать узкий до невозможности чехол от зонтика на егозу-обезьянку, с двадцатью четырьмя дергающимися во все стороны лапками? Нет? Тогда вам меня не понять!

Наконец младенец был упакован, я к тому времени вспотела, как боевой слон, растоптавший армию агрессивных воинов. Мальчишечка закрыл глазки и мирно засопел. Я выдохнула, попятилась к двери – и тут же услышала гневный вопль. Проснулся второй брат.

Глава 7

На сей раз я учла все свои ошибки. Схватила близнеца и полотенце в руки, в зубы взяла чистый памперс, в мгновение ока доставила весь набор в ванную, ловко раздела дитя… и увидела совершенно сухую и чистую розовую попку.

– Ну, и чем ты недоволен? – спросила я, торопясь назад в детскую. – Хорошо поел, штанишки сухие. Назови хоть одну причину для капризов!

Но малыш продолжал рыдать. Я начала ходить по комнате и укачивать Злобненького. Спустя минут десять он успокоился и вроде заснул, но стоило мне положить крикуна в кроватку, как оттуда раздалось сердитое:

– И-и-и!

Это очнулся другой близнец. Следующие полтора часа были заполнены одинаковыми действиями. Я убаюкивала одного кроху, переводила дух и тут же слышала вопль второго. Злобненький, правда, не пачкал памперс, зато его братишка старался за двоих. В конце концов, когда я впала в ступор и забыла, как меня зовут, вдруг наступила восхитительная тишина.

Боясь поверить в собственное счастье, я прокралась на кухню, ожидая услышать очередную арию из оперы «Близнецы, или Безумный день». Но нет, детишки спали.

Я плюхнулась на диван. Ноги-руки дрожали. Голова не держалась на шее прямо, заваливалась то вперед, то назад, и в ней не было ни единой мысли. Потом в мозгу появился вопрос: каким образом Крокодиловна ухитряется сохранять здоровой психику? И она успевает еще справиться с кучей разных домашних дел. Да, скачущий конь и горящая изба ерунда по сравнению с близнецами.

По кухне пролетел тихий стон. Я подпрыгнула, как испуганный заяц. Уже проснулись? Пожалуйста, не надо! У меня только-только перестали дергаться ноги, а руки еще ходят ходуном.

Звук повторился. Но он был слишком тихим для деток, – те орут почище сирен президентского кортежа – и явно исходил от обеденного стола. Я повернула голову и ахнула – прямо на заботливо отглаженной Эммой Гавриловной скатерти сидела Лючия. Я совершенно забыла про йорка, за которым должна приехать мать соседки Насти.

Собачка иногда остается у меня, она милая, никаких хлопот не доставляет, ну разве что выклянчит кусок сыра. Но сейчас терьериха выглядела весьма странно. Крохотное тельце раздулось в боках и напоминало бочонок, маленькие лапки скрючились, голова моталась из стороны в сторону.

– Эй, что с тобой? – всполошилась я.

Лючия издала хрюкающий звук, упала на живот, растопырив четыре ноги и стала похожа на волосатую черепашку без панциря. Я вскочила и приблизилась к собачке. Теперь мне стало понятно, что мордочка Лючи перепачкана чем-то белым, а спустя мгновение я поняла, в чем дело.

На столе стояла открытая банка со смесью «Бэбиням», и еще недавно она была почти полной, сейчас же совсем пустая. Опорожнен и ковшик, куда я вылила воду, чтобы подогреть ее. Лючия проголодалась, попросила у меня перекусить, я, занятая детьми, отмахнулась от нее, и она решила свою проблему самостоятельно: слопала сухую смесь, а затем запила ее. Порошок, соединившись с водой, разбухает, получается субстанция, напоминающая кашу. Я насыпала в бутылочку для младенцев по полторы крошечных ложечки, наливала туда чуть-чуть водички и видела, как раствор густеет, поднимается, увеличивается в объеме. А Лючия угостилась целой банкой и выхлебала около двух стаканов жидкости. Как только в нее все это влезло?

Я бросилась к телефону и соединилась со справочной. Поиски ветеринарной «Скорой помощи» заняли минут пять, наконец, из трубки раздалось:

– Лечебница «Четыре лапы».

– Девушка! – закричала я. – У меня близнецы, мальчики, они едят…

– Поздравляю, – донеслось в ответ, – но мы не лечим детей, обратитесь к педиатру.

В ухо полетели частые гудки.

Разозлившись на наглую администраторшу, не дослушавшую меня, я опять набрала тот же номер.

– Лечебница «Четыре лапы».

– Девушка, у меня близнецы, мальчики, они едят…

– Советую позвонить в районную поликлинику, – отрезала дурочка и снова швырнула трубку.

Ну, погоди! Я опять вцепилась в телефон и похолодела. Из детской полетел двухголосый плач, к которому присоединился жалобный стон Лючии. Я замерла, и тут – вот оно, счастье! – из прихожей донесся голос:

– Буянят безобразники?

Из моей груди вырвался вопль:

– Эмма Гавриловна! Вы вернулись! Как я вас люблю!

– Что случилось, Танечка? – бодро осведомилась няня, появляясь на кухне.

Я начала путано рассказывать.

– Не стоит беспокоиться о пустяках, – улыбнулась Крокодиловна, когда речь зашла о йорке, схватила Лючию и понесла в коридор.

Я побежала следом.

– Что вы собираетесь делать с собачкой?

– Вылить из обжоры детскую смесь, – пояснила Эмма Гавриловна, наклоняя песика над унитазом и сжимая его бока. – Дел на минуту. Вот и все. Думаю, сегодня не стоит кормить Лючию, пусть пьет одну воду. Слышите? В дверь звонят, наверное, пришли за гурманкой. Идите отдыхать, Танечка, я открою.

Сил ответить ей не было, я побрела в свою спальню и рухнула на кровать. И только спустя час вышла на кухню. Увидев Крокодиловну, мирно вяжущую крохотную шапочку, я пробормотала:

– Почему у вас детки помалкивают, а у меня вели себя отвратительно?

– На то было несколько причин, – деликатно ответила няня. – Умненький с Веселеньким поняли, что ими занимается новый человек, поэтому возмутились. И еще…

Крокодиловна опустила глаза на вязание и принялась считать вслух петли.

– Что еще? – спросила я.

Няня положила спицы на колени.

– Танюша, вы два раза покормили Веселенького, поэтому кишечник у него заработал с необычайной частотой и слегка заболел. Умненькому ничего не досталось, он хотел кушать. Первый бунтовал от обжорства, второй от голода.

Мои щеки начали раскаляться.

– Я дура… – только и удалось выдавить из себя.

– Что вы, конечно, нет! – замахала руками Крокодиловна. – Малыши ведь действительно очень похожи. Знаете, большинство молодых мамочек понятия не имеет, как справиться с одним новорожденным, а вам досталось сразу два ребятенка.

– Это мало утешает, – пробормотала я.

– Танечка, а какое маслице вы использовали для косметических целей? – задала вопрос Эмма Гавриловна.

Я ответила:

– Как вы велели, взяла бутылочку с полки, что висит сбоку от холодильника. Выбрала бутылку от бабушки.

Лицо Крокодиловны не изменило добродушного выражения.

– То-то Веселенький пахнет, как щедро заправленный овощной салат.

Я упала на стул.

– Я взяла не то масло?

– Ничего страшного не случилось, – принялась утешать меня няня. – В советские годы мы обо всяких изысках не слыхивали, мамочки пользовались для смягчения кожи деток подсолнечным маслом. Только сначала стерилизовали его. Сейчас же полно детской косметики. Вон там, слева от морозильника, на полке стоит азуленовое масло, специально для новорожденных.

– Слева, – вздохнула я, – не справа. Черт.

– Ей-богу, льняное маслице очень хорошее, – сказала Крокодиловна, – сама подумывала его использовать. Вы молодец!

– И последнее, – промямлила я. – Простите, но я не выполнила ваше указание про суслика. Не поняла, как он держит своего ребенка, и не смогла придать малышам нужную позу. Очень хотела сделать правильно, перерыла весь «Гугл», но нигде не нашлось снимка грызуна с детенышем в лапах.

Крокодиловна рассмеялась.

– Ох, простите, Танечка, это я сглупила, не так выразилась. Видели, как стоит суслик – этаким столбиком, на задних лапках, а передние перед грудкой держит?

Я кивнула.

Эмма Гавриловна улыбнулась.

– Малышей после кормления надо недолго подержать в таком же положении, чтобы они избавились от проглоченного во время еды воздуха. Мне надо было написать не «суслик», а «столбик», и вы бы тогда разобрались.

На следующее утро я, не заезжая в офис, отправилась к Варваре Борисовой, бывшей горничной Кауф.

Люди, у которых по дому ходит прислуга, очень быстро перестают ее замечать и ведут при ней весьма откровенные разговоры. Кроме того, в своей квартире человеку хочется расслабиться, перестать что-то из себя изображать, стать таким, каков он есть на самом деле. Поверьте, горничные, шоферы, няни знают о

своих нанимателях очень много всякого-разного. Большинство работников не хочет потерять службу, поэтому крепко держит язык за зубами. Но вот если помощницу по хозяйству рассчитали, тогда другой расклад. Борисова ушла от Кауф год назад, причем со скандалом: судя по словам Ванды, «ее уволили за плохое поведение». Надо постараться правильно построить разговор, тогда Варвара сообщит мне массу интересного.

В подъезде пятиэтажки было грязно, на подоконниках маячили банки из-под растворимого кофе, набитые окурками. Пол затоптан, перила лестницы изрезаны ножом.

Дверь во владение Борисовой выглядела проще некуда, деревянная с облупившейся краской. На филенке ярко-красным фломастером кто-то написал не совсем приличные выражения. Коврик у двери напоминал грязную тряпку, на нем громоздился полиэтиленовый пакет из дешевого сетевого магазина продуктов, набитый отбросами. На звонок мне открыла худенькая женщина с синяком под глазом и быстро произнесла:

– Миши нет дома, ушел на работу. Всю ночь спал в своей комнате. Честное слово.

Я так и не успела раскрыть рта. Из прихожей послышался резкий, визгливый голос:

– А не ври-ка! Кто там? Полиция?

– Нет, нет, – испугалась тетка, – соседка заглянула, не волнуйся, Леночка, пожалуйста…

Договорить она не успела, ее оттолкнула к вешалке щекастая девица с выкрашенными в почти белый цвет волосами.

– Вы из какой квартиры? – забыв поздороваться, заголосила она. – Не верьте мамане, вечно своего сыночка покрывает. У вас машину со двора угнали? По адресу пришли. Это моего любимого братца работа. Мишка со вчерашнего обеда дома не показывался, в своей постели не дрых, где сейчас находится, неизвестно. Но не на службе точно, потому что постоянной работы у него нет. Напишите заявление в полицию, пусть его наконец посадят.

– Леночка, как ты можешь! – простонала хозяйка квартиры. – Мишенька твой единственный брат, другого нет.

Дочурка скрестила руки на груди.

– Вот и ладно, что других не имеется, легко бы и без Мишки прожила. На фиг нам воры и негодяи?

– Лена, – всхлипнула мать, – нельзя быть такой злой.

– Зато ты слишком добрая, – огрызнулась дочь. – Представляете, вчера я домой вернулась, а у нее фингал. И откуда, спрашивается?

– Голова закружилась, я шла, шла и тюкнулась лицом об угол стола, – соврала родительница.

– Мама, думай, о чем говоришь, – вдруг вежливо произнесла Елена. – Разве ты карлик, чтобы глазом на край стола наткнуться?

Потом она снова обратилась ко мне:

– Так напишете заявление?

Я достала из сумочки удостоверение.

– Вау! Полиция сама пришла! – обрадовалась девушка. – Ну все, капец Мишке.

– Не трогайте мальчика! – закричала мать. – Он болен! На него все клевещут!

Мне наконец-то удалось вставить слово в диалог матери и дочери:

– Здравствуйте, я Татьяна Сергеева, пришла поговорить с Варварой Семеновной Борисовой о Ксении Кауф.

– Ничего не знаю, – быстро сказала хозяйка квартиры.

– Может, разрешите войти? – улыбнулась я.

– Нет, – живо вмешалась Лена. – У нас не убрано, хотите потрепаться, устраивайтесь на лестнице. Нечего нам полы пачкать.

Борисова-старшая безропотно вышла за дверь и показала на подоконник:

– Можем там сесть. Весна уже, совсем тепло, не простудимся.

– Строгая у вас дочка, – произнесла я, прислоняясь к стене.

– Леночка техникум после школы окончила, теперь директор автобазы, хорошо зарабатывает, – начала хвастаться Варвара. – У нее под началом в основном мужчины, приходится быть жесткой. В душе она тихая и ласковая, но жизнь заставляет зубы показывать. Зачем вы пришли? Уже год, как я у Ксении Львовны не работаю.

– А почему уволились? – мгновенно поинтересовалась я и услышала тихий скрип.

Дверь в квартиру Борисовой чуть-чуть приоткрылась. Может быть, ее сдвинул сквозняк, но я почему-то сразу подумала про Елену, которая решила послушать, о чем толкуют ее матушка и незваная гостья.

– Нашла службу с большим окладом, – как-то неуверенно ответила Борисова, – в супермаркете, кассиром. День чеки бью, два отдыхаю, очень удобно. А к Кауф приходилось шесть раз в неделю ездить, да еще за город. Правда, недалеко, десять минут на маршрутке от конечной станции метро, но все равно уставала.

– Варя, – укоризненно покачала я головой, – в семье, где вы служили, другая версия вашего увольнения. Например, у Ванды. Вы с ней дружили?

Борисова отшатнулась и ударилась затылком о стекло.

– Комиссарова всех ненавидит, она очень злая. Из-за Ванды ни одна прислуга у Кауф не задерживалась. Я довольно долго проработала только потому, что все ее подначки игнорировала. И я уверена, это Ванда что-то придумала, из-за чего Ваню арестовали.

Я сделала вид, что понимаю, о ком идет речь.

– Ну, Иван сам виноват.

Варвара округлила глаза.

– Это вам Ванда наплела? Брехня! Она все затеяла, чтобы своего сыночка с Беатрисой свести.

– У Комиссаровой есть ребенок? – не сумела я скрыть удивления.

– Ага! Не знали! – возликовала Варвара. – Сейчас вам всю правду выложу, поймете, какая она лгунья. Ни одному слову ее верить нельзя!

Глава 8

Нанявшись на работу к Кауф, Борисова сразу поняла, кто в доме хозяин. Владимир неустанно подчеркивал, что главой семьи является его жена, но реально правила там Ванда. Ксения-то Львовна с утра до ночи сидела у рояля, извлекая из него жуткие, на вкус Борисовой, звуки. Горничная не могла понять, каким образом эта какофония потом превращается в прекрасные мелодии.

Варваре на половину Ксении заходить запрещалось, там убирала Комиссарова. Она же командовала всем хозяйством, сама ездила закупать продукты, оплачивала счета и общалась с рабочими, которые чинили что-нибудь в саду или в доме.

В десять утра Кауф спускалась на кухню, где ее ждали кастрюлька с геркулесовой кашей и чашка зеленого чая. Ксения перекладывала овсянку в пиалу, нарезала туда кусок сыра, ставила еду на поднос и уносила к себе на второй этаж.

Когда Борисовой объяснили, что ей нужно приготовить для первой трапезы хозяйки, она чуть не расхохоталась. Богатая тетка, живущая в особняке

стоимостью в много миллионов, лопает дешевый геркулес? Неужели не могут купить для нее нечто вкусненькое: осетринку, ветчину, импортные йогурты? Вроде у семьи нет нужды экономить.

Но Ксения Львовна за все годы работы Вари в доме ни разу не изменила своего рациона: овсянка и сыр по утрам, в полдень чай с сухофруктами, на обед часа в три крохотный кусочек лосося с овощами, в шесть вечера чай с двумя ломтиками подсушенного зернового хлеба и на ночь несколько слив. Иногда, крайне редко, в обед рыба заменялась гречкой с ароматным деревенским растительным маслом. Ни шоколадных конфет, ни печенья, ни колбасных изделий, ни деликатесов Кауф не употребляла. И еще. В тот момент, когда она спускалась на кухню (что происходило исключительно по утрам, обед, полдник и ужин хозяйке относила Ванда), там не должно было быть людей. Варе предписывалось исчезнуть. Поэтому горничная ни разу не разговаривала с Кауф – она просто не имела такой возможности.

Ксения Львовна практически не высовывалась из дома, очень редко ее можно было увидеть гуляющей по саду. Владимир, наоборот, почти каждый день катался в Москву. А Беатриса ездила на занятия в институт. В отличие от матери дочка была человеком компанейским, она даже ссорилась с отчимом, который не разрешал ей приглашать домой друзей.

Варвара мысленно была на стороне Беатрисы – жизнь в особняке смахивала на монастырскую, разве что не молились с утра до ночи.

Ничто не должно было волновать Ксению. Ей старались не рассказывать о новостях, особенно о печальных. Когда от старости, благополучно прожив много лет, скончался кот Мартин, которого Кауф завела, еще будучи нищей учительницей, Резников тайком похоронил общего любимца в саду и в тот же день принес из приюта для брошенных животных трехгодовалого «дворянина», похожего на Мартина как две капли воды. Новый жилец быстро освоился в особняке, оказался ласковым и сразу завоевал сердца Ванды, Владимира, Беатрисы и Алины. А что Ксения? Она не заметила подмены! Варвара все изумлялась: неужели Кауф настолько глупа, что не понимает – коты не могут жить вечно? Или Ксения Львовна забыла, сколько лет назад взяла в дом Мартина?

Но потом произошло событие, утаить которое от хозяйки оказалось невозможно – Беатриса влюбилась в паренька по имени Иван. Хотя нет, правильнее будет

сказать, что девушка не собиралась скрывать свое чувство. И представила избранника матери. Как ей это удалось?

Однажды утром, когда Ксения накладывала себе овсянку, за ее спиной раздался радостный голос Триси:

– Мамочка, это мой жених Ваня. Мы очень любим друг друга и скоро поженимся.

Кауф вздрогнула, обернулась и произнесла:

– Очень рада. Мне так приятно вас видеть. Сейчас Ванда сварит кофе.

Вари в тот момент на кухне, естественно, не было, горничная, как ей приказали, находилась вне поля зрения хозяйки. Но уши-то Борисова не затыкала, поэтому слова Беатрисы, а также ответ матери услышала. И весьма удивилась. До сих пор Ванда твердила, что Ксения Львовна терпеть не может никаких гостей, якобы появление в доме посторонних нанесет ей эмоциональную травму, у хозяйки может случиться нервный срыв. Но сейчас-то Кауф вполне дружелюбно отреагировала на визит Вани. Она не кричала, не закатывала истерику, а вполне гостеприимно предложила юноше кофе.

Конечно, странно, отметила для себя горничная, что мать столь спокойно отнеслась к заявлению Беатрисы о предстоящем замужестве, но Кауф вообще женщина с левой резьбой. И, похоже, она равнодушна к дочери. Ксения даже не догадалась спросить у Триси, каким образом молодой человек очутился в доме в столь ранний час. Не самое ведь подходящее время для первой встречи с будущей тещей.

Зато прислуга мигом поняла, как девушка обстряпала дело, когда пришла застилать ее постель и увидела, что на кровати явно спали двое. Очевидно, Триси поздним вечером открыла окно, и Ваня влез в ее комнату. Беатриса отлично понимала, что у нее есть всего одна возможность легализовать Ивана: познакомить его с матерью. Ясно же, что отчим, заикнись она о замужестве, категорически запретит ей даже думать на эту тему, как всегда, скажет:

– Ксюша нас содержит. Мы с тобой трутни, живущие за счет трудолюбивой пчелки. Хочешь, чтобы семья стала нищей? Если нет, не нервируй маму. Да и какая свадьба в твоем возрасте? Лучше учись усердно.

Но теперь ни Резников, ни Ванда, ни Алина, ни врач Виктор Маркович не могли ничего поделать. Ксения увидела Ивана и не расстроилась.

Варвара с интересом наблюдала, как события разворачивались далее.

Триси ходила с видом победительницы, а Ванда, брат и сестра Резниковы были здорово обозлены, но старательно маскировали свои чувства под светскими улыбками. Иван воспользовался случаем и почти поселился у Кауф. Парень часто оставался ночевать в гостевой комнате, у него в доме завелись личный халат, тапочки, зубная щетка. Потом в шкафу появились рубашки, обувь. Молодой человек медленно, но верно укоренялся в особняке, и в конце концов это сподвигло ближайшее окружение композитора на активные действия. Борисова сначала и не поняла, что стала участницей виртуозно разыгранного спектакля, а между тем, сама того не желая, исполнила в нем чуть ли не центральную роль.

Как-то раз Ванда велела горничной:

– Ступай в кладовку и принеси серебряное блюдо. Оно на полке, слева.

Варя поспешила исполнить приказ, а в спину ей полетел сердитый голос Комиссаровой:

– Ничего попросить нельзя, еле-еле шевелится, ног от пола не отрывает.

Домработница не понимала, по какой причине Ванде так спешно понадобилось блюдо, которое доставали исключительно на Пасху, но сильно занервничала. Борисова влетела в чулан, кинулась к полкам, но обо что-то споткнулась и упала, задев стоявшую рядом табуретку. Свалившись с последней, приземлилась у ее носа… фарфоровая фигурка балерины. Послышался, характерный звук – у статуэтки отломилась голова.

Позже, многократно прокручивая в мыслях произошедшее, Варвара начала удивляться. Почему Ванда неожиданно потребовала серебряное блюдо? После того, как со статуэткой случилась неприятность, Комиссарова про него и не вспомнила. С чего вдруг в чулане появилась табуретка из кухни? Ее там отродясь не было. Кто и зачем притащил сюда хрупкую барышню в пачке и водрузил на табуретку? И главное – обо что она, Варя, споткнулась? Вечером

того же дня, принимая дома душ, Борисова увидела на ноге чуть повыше щиколотки тонкий порез. Такой бывает, если с размаха налетишь на тонкую, туго натянутую проволоку или леску. Но откуда бы им взяться в кладовке?

Все эти вопросы возникли потом, а в первый момент, глядя на осколки статуэтки, Варя окаменела от ужаса и тут же услышала возмущенный голос Ванды:

– Что ты, косорукая растяпа, наделала? Раскокала самую дорогую вещь из собрания Ксюши! Фарфор восемнадцатого века! Куплен на аукционе! Теперь до конца дней не расплатишься, корова безмозглая!

Горничная начала рыдать.

– Да уж, только реветь тебе и остается, – бросила Комиссарова и ушла, собрав осколки злополучной статуэтки.

Домработница слышала, что Ксения Львовна очень трепетно относится к своей коллекции изделий из бисквита [5 - Бисквит – фарфор, который не был покрыт глазурью.], хранит ее в специальном шкафу в кабинете, и никого не подпускает к ней. Варе было предельно ясно: сегодня ее последний день работы у Кауф. Ее выгонят, не заплатив ни копейки. Хорошо, если не заставят возместить ущерб…

И тут в чулане появилась Алина.

– Знаю про твою беду, – начала певица с порога. – Перестань лить сопли. Быстро езжай вот по этому адресу к Александру Кошмарову. У него замечательные руки, так склеит статуэтку, что никто и не поймет, в каком месте она была разбита. Говори что хочешь, но упроси парня срочно приехать сюда со всем необходимым инструментом. На, держи деньги на такси.

Ошеломленная добротой поп-звезды Варвара, забыв сказать ей «спасибо», побежала ловить машину.

Александр оказался дома и почти сразу согласился отправиться в Подмосковье. Лепеча слова благодарности, Борисова села в крошечную иномарку своего спасителя и всю дорогу назад осторожно рассматривала мастера на все руки.

Парень был волшебно красив! Такому бы сниматься в кино, играть в театре, ходить по подиуму, а не фарфоровые безделушки клеить.

Но специалистом Александр показал себя отменным. Он заперся в комнате Ванды, прихватив изуродованную балерину, и через полчаса статуэтка была как прежняя.

Комиссарова отнесла вещицу на место и предложила мастеру чаю. Едва красавец взял в руки кружку, как в столовую впорхнула приехавшая с занятий Триси. За ней шагал мрачный Иван. Было похоже, что парочка поругалась. Надо сказать, у Беатрисы не самый легкий характер, она из-за любой ерунды может взлететь на реактивной метле.

– Познакомься, солнышко, – защебетала Ванда, – с нашим гостем. Он взялся починить комод в гостиной. Ну тот, что с фарфоровыми медальонами.

Мастер встал и чуть наклонил голову.

– Александр.

– Триси, – кокетливо представилась Беатриса, словно забыв про Ивана. – А вы столяр?

– Нет, – смутился красавец, – художник. И мои картины хорошо продаются. Реставрация мебели мое хобби, я берусь только за очень интересные вещи.

С того дня Александр наезжал в особняк Кауф постоянно. С комодом он возился не спеша, вдумчиво, зашкуривал поверхность со скоростью черепахи по сантиметру в день. Варваре стало понятно, что ему очень нравится Беатриса. Девушка не обращала внимания на попытки живописца завязать с ней дружбу, а тот старался изо всех сил – предложил написать ее портрет, пригласил на свою выставку, позвал на день рождения, где должны были присутствовать многие из тех, чьи фото мелькали в гламурной прессе. Но Триси вежливо отказалась от всех предложений, сославшись на учебу.

Как-то раз Варя пошла в бойлерную покурить. В доме Кауф строго-настрого запрещалось дымить, но в помещении с отопительным котлом работала мощная

вытяжка, и домработница тайком нарушала запрет.

Не успела Варвара достать сигареты, как до нее донесся голос Ванды:

– Ничего, сыночек, попытайся еще.

– Мама, дело дохлое, – ответил мастер.

Горничная замерла. Потом сообразила, что с внешней стороны дома, впритык к всегда приоткрытому, как требует инструкция, окну бойлерной, стоят Комиссарова и Александр.

– Не надо опускать руки, милый, – сказала Ванда. – Я объясняла тебе, насколько важно заинтересовать Триси. Если не ты, то кто?

– Не знаю, мама, кто, – чуть раздраженно отреагировал живописец, – но точно не я. Похоже, у них с Иваном настоящая любовь.

– Это невозможно! – отрезала Ванда. – Ты обязан ее отбить.

– Прямо вот так? Обязан? – хмыкнул Александр.

– Да, – отрубила Комиссарова. – Оцени, какая отличная партия: симпатичная девушка, семья прекрасная, денег в достатке, Ксения – идеальная теща, никогда в личную жизнь дочери не полезет, хозяйство в доме веду я. Владимир с Алиной тебя на руках носить будут, если ты спасешь их от катастрофы по имени Иван.

– Мама, я не намерен жениться. Сразу ведь предупредил: я готов уложить Триси в койку, но на этом все. И ты согласилась, сказала: «Нам бы только от Ваньки избавиться, остальное неважно». А теперь разговор в другую степь заворачивает? – возмутился Александр.

– Потому что я понимаю, как будет для тебя лучше, – парировала Ванда. – Все равно когда-нибудь придется семьей обзаводиться. И кого ты найдешь? Нищую свиристелку? А Кауф зятю поможет, у тебя всегда будут деньги на выставки. Наймем пиарагента, о Кошмарове заговорит пресса. А через несколько лет ты

разведешься. И тогда станешь свободным, но уже известным и обеспеченным.

– Я не готов продаться за бабки, – сердито возразил реставратор.

– Однако согласился же за гонорар отбить Триси у Ивана, – напомнила Ванда.

– Верно, – после паузы признал Александр. – Потому что предполагал, что дело обойдется одноразовым сексом. Иван узнает, что невеста ему изменила, и уйдет. А я брошу Беатрису. Она похнычет и утешится в объятиях кого-то другого. К женитьбе я решительно не готов. И считаю, что пора закрывать лавочку. Ваню и Триси связывает настоящая любовь, их надо оставить в покое.

– Нет, сыночек, это невозможно! – запричитала Комиссарова. – Я так на тебя надеялась! Обычно женщины штабелями к твоим ногам укладываются.

– Значит, не всем я прихожусь по вкусу, – засмеялся Саша. – Кстати, почему ты взъелась на Ивана? Оставь беднягу в покое. Что в нем тебя не устраивает? Бедность? Провинциальное происхождение? Сама пару секунд назад ты сказала, что денег Кауф хватит на десятерых. И я, между прочим, тоже не коренной москвич. Зачем разбивать счастье девчонки? Ну, выйдет она замуж за Ваньку, родит ребенка. Ничего ж плохого. Разведутся? Подумаешь, Триси с младенцем по миру не пойдет. Останутся они навсегда вместе? Флаг им в руки.

– Ой, замолчи, – зашипела Ванда, – ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Если Триси распишется с Иваном, случится непоправимая беда. И не дай бог, у них дитя родится.

– Какая еще беда? – засмеялся Саша.

– В общем, слушай внимательно, сынок. Если ты сумеешь переманить Триси, чтобы Иван навсегда исчез из ее жизни, Владимир заплатит тебе двести тысяч долларов, – пообещала Ванда.

Воцарилось молчание. Потом Александр пробурчал:

– Ну, раз так… Хорошо, я попытаюсь.

– Деточка, ты не пытайся, а сделай, – потребовала Комиссарова. – Помоги маме. Столько нервов я потратила, чтобы тебя в дом внедрить вроде как случайно.

Глава 9

Варвара откинула голову назад, опять стукнувшись о стекло, и с обидой в голосе продолжила:

– Они ушли, а я закурила и думаю: «Лохушка ты, Борисова. Ванда все с фигуркой балерины подстроила!» Так меня жгло, что на следующий день, пока Ксения утром в свою кашу сыр резала да зеленый чай заваривала, я схватила лупу и пошла в кабинет хозяйки. Понимаете, да?

Рассказчица уставилась на меня немигающим взглядом.

– Конечно, – кивнула я. – Вы решили внимательно изучить балерину, склеенную Александром. Не побоялись, что Ксения застанет вас в неположенном месте? Ранее говорили, что домработнице запрещалось заглядывать в покои Кауф.

– Верно, запрещалось, – подтвердила Варвара. – И когда я там очутилась, поняла, почему. А поймать меня в своей комнате Ксения Львовна не могла – она же копошилась на кухне.

– Вы рисковали, – покачала я головой. – Вдруг бы ей неожиданно захотелось что-то взять из кабинета? Пошла бы Кауф наверх, а там посторонний человек…

– Ой, только не она! – рассмеялась Борисова. – Вы просто не знаете, какой пунктуальной была хозяйка. Электричка отдыхает! Да что там электричка, она частенько из расписания выбивается… Ксения Львовна же настоящий робот. Подъем ровно в семь. Через десять минут она на кухне, всегда в розовом халате. В кладовке таких хранилось десять штук. Все одинаковые. Уж не знаю, где их ее родня раздобыла, я подобных сто лет не видела: байковые, с двумя карманами и простыми белыми пуговицами. Давным-давно, в конце восьмидесятых – начале девяностых ими на рынках торговали. И тапочки Кауф носила из той же эпохи – искусственный темно-зеленый бархат, помпон плюшевый, задника нет.

Спустится хозяйка к плите и возится там ровно полчаса, ни больше ни меньше. Кашу всегда перекладывала в пиалу с азиатским рисунком. Ложечка из мельхиора, чайная чашка фаянсовая, красная в белый горох, ценой три копейки. И этой посуды у Ванды большой запас имелся. В доме полно шикарных сервизов из тонкого фарфора и столовых серебряных приборов, а сама Кауф барахлом пользовалась.

– У творческих людей свои причуды, – вздохнула я.

– Народ вообще с тараканами в голове, – захихикала собеседница. – У Ксении же в мозгу жили мыши. Я ее считаные разы видела, но даже одной встречи хватило бы, чтобы понять: мадам с большим сдвигом. А комната ее… Умереть не встать!

Борисова поерзала на подоконнике и продолжила повествование.

…Зная, что Кауф поднимется к себе с завтраком ровно через тридцать минут, горничная не нервничала и не волновалась, что ее застукает кто-нибудь другой – в столь ранний час весь дом спит. Владимир, Триси и Ванда встают позже, около девяти. Из подслушанного вчера разговора ей стало ясно, что Комиссарова ее использовала, как дурочку, чтобы получить повод привести в дом Александра. Варвара отлично помнила головомойку, устроенную ей Вандой за разбитую статуэтку, и какими карами бывшая няня грозила ей, и очень хотела… Чего именно? Она не могла четко сформулировать конечную цель посещения кабинета Кауф, а вот с промежуточной все было ясно: она хотела изучить балерину.

Варя толкнула незапертую дверь, ведущую на половину хозяйки, и опешила. Возникло ощущение, что Борисова попала на много лет назад, перенеслась на машине времени в конец семидесятых – начало восьмидесятых двадцатого века.

Кабинет был объединен со спальней, и все помещение оказалось заставлено громоздкой мебелью, некогда являвшейся для советских людей признаком достатка. В югославской «стенке» за стеклянными дверцами сверкали хрустальные рюмки, слева – собрания сочинений классиков, а посередине стоял здоровенный телевизор, смахивающий на сундук. Почти впритык к нему громоздилось полосатое кресло на колесиках, а рядом притулился крохотный журнальный столик. К простому окну (не стеклопакету!) был придвинут письменный стол, заваленный бумагами. Посреди комнаты на серо-зеленом

паласе стоял рояль с поднятой крышкой, около него находился самый обычный стул с сильно потертым кожаным сиденьем. У стены сиротливо жался диван, прикрытый красно-черным клетчатым пледом. К его левому подлокотнику прижималась тумбочка, на которой стояли совсем уж раритетные предметы – ночник с абажуром в виде тюльпана и белый телефон с наборным диском и трубкой на витом шнуре. Окно прикрывали шторы из желто-белой ткани, и кружевной тюль. А под потолком висела трехрожковая люстра (лет сорок назад ее сестры красовались у большинства москвичей, но эти светильники давным-давно отправились на помойку).

Если не обращать внимания на рояль, то можно было подумать, что Варя находится в однокомнатной квартирке скромной интеллигентной старушки, которая отчаянно старается выжить на крохотную пенсию. Денег, выдаваемых добрым государством, ей хватает лишь на скудную еду, поэтому она не может себе позволить ни ремонт, ни качественную одежду, таскает обноски и доживает среди старых вещей. Контраст между этим помещением и шикарным интерьером первого этажа, а также комнатами остальных членов семьи был настолько разителен, что Борисовой понадобилась пара минут, чтобы прийти в себя и вспомнить, зачем она сюда поднялась.

Домработница стряхнула оцепенение, подошла к той части «стенки», где хранилась посуда, и снова пришла в недоумение. Слова о том, что Ксения Львовна собирает коллекцию фарфоровых фигурок, приобретая их на аукционах, горничная слышала от Ванды несколько раз. Комиссарова же обронила вскользь, что собранию нет цены, и оно хранится в специально оборудованном шкафу. Однако никаких витрин Варвара сейчас не видела, как и раритетных изделий из бисквита. На одной из полок «стенки» стояло лишь несколько статуэток, ровесниц трехрожковой люстры, выпущенных отечественными фарфоровыми заводами. Даже Борисовой стало понятно, что козочка, клоун в красно-белых штанах, таджичка с чайником, олененок и собачка не имеют ни малейшего отношения к искусству, они представляют интерес исключительно для хозяйки.

Горничная взяла в руки стоявшую среди прочих фигурок балерину и мигом сообразила: лупа ей не понадобится. Танцовщица была иной, чем та, разбитая в чулане. Может, Александр и великий мастер-реставратор, но он никогда не прикасался к статуэтке из экспозиции, выставленной в комнате Кауф.

Растерянная Варя спустилась на первый этаж…

Я устала стоять и присела рядом с собеседницей на подоконник.

– Послушайте, зачем столько хитростей? Можно было просто пригласить Александра в гости под любым предлогом.

Бывшая прислуга поморщилась.

– Так в доме никогда никого из посторонних не бывало. Ивана Беатриса обманом привела. Ванда решила использовать ее опыт и подстроила появление мастера. Причем хотела, чтобы Александр появлялся в особняке как можно чаще, поэтому и замутила эту историю. Сначала художник вроде как починил фигурку, потом ему предложили отреставрировать комод… В общем, красавчик в самом деле завис в доме надолго. Комиссарова надеялась, что ее сынок отобьет Беатрису у Ивана, но на обольщение девушки требовалось время. Ну неужели вы не понимаете? Ванда хитрая крыса! Она очень давно нанялась к Ксении Львовне няней и сумела втереться в доверие, подружилась с ней. Постепенно подчинила ее себе, стала заправлять всем в доме, а затем решила, что хорошо будет еще и женить сына на Беатрисе. Захотела все деньги композитора захапать!

– Вы работали у Кауф несколько лет? – уточнила я.

Варвара молча показала два пальца, означавшие, как я поняла, два года.

– И Александр до случая с фарфоровой безделушкой в гости к Ванде, которую в услышанном вами разговоре он называл мамой, не приходил? – не успокаивалась я.

– Никогда, – отрезала Борисова. – Я даже не слышала о нем, думала, что Ванда старая дева. Она очень злая, постоянно замечания мне делала, прямо не женщина, а радио болтливое. Говорю же, Комиссарова стремилась к полной власти над членами семьи, и ей это удалось.

Я сделала вид, что не верю:

– Неужели бывшая нянька командовала хозяйкой?

Усмехнувшись, Варвара сложила руки на коленях и заговорила:

– Вы небось побеседовали с Вандой, и она вам показалась милой, заботливой, да еще лучшей подружкой Ксении? Не верьте. Вранье это. Комиссарова злая сучонка, думает лишь о деньгах. За малейшую провинность она меня штрафовала. На чайной чашке скол появился? Я виновата, из зарплаты минус триста рублей. Остались на доске хлебные крошки? Стольник долой. Банки с крупами случайно поменяла местами? Еще вычет.

– Почему же вы продолжали там работать? – поразилась я. – Почему не уволились?

Глаза собеседницы забегали.

– Ну… образования у меня нет, возраст не юный, попробуй-ка на приличную службу устроиться… Все работодатели мечтают о двадцатилетней расфуфыренной красотке без детей, с университетским дипломом, с тридцатилетним стажем, имеющей личный автомобиль, квартиру и, желательно, готовой пахать тридцать суток в месяц без сна и выходных за тысячу рублей. Ванда не исключение. Она мне постоянно твердила: «Что сгорбилась? Спина болит? Ну да, понятно, в твоем возрасте остеохондроз обостряется. Опять сидишь? Ноги ломит? Ясненько, старческий артрит в разгаре». Думаете, это приятно слышать?

– И как долго Александр пытался соблазнить Беатрису? – перевела я разговор в иное русло.

Варвара надула губы.

– Месяца три, а может, четыре, я не считала. А потом он исчез. Просто перестал приходить, и все. И в доме о нем не заговаривали. Беатрису красавчик не интересовал, она от Вани без ума была. Господи, что потом получилось! Триси чуть Ксению не убила. Я такого скандала за всю свою жизнь не видела, хотя с малолетства в прислугах.

Варвара вытащила из кармана халата махрушку, стянула волосы в хвост и принялась с энтузиазмом излагать подробности поразившей ее семейной сцены.

Глава 10

Горничная не понимала, чем Иван не нравился Комиссаровой. Впрочем, и остальные члены семьи недолюбливали паренька. Нет, все были приветливы с женихом Триси, улыбались ему, вежливо беседовали, однако в глазах у Алины, Владимира и доктора Виктора Марковича, которого в доме считали своим человеком, подчас проскакивало нечто такое, что Варвара понимала: все еле сдерживают гнев.

– Погодите! – остановила я Борисову. – Вы несколько раз повторяли, что в доме не бывало гостей. А как же врач?

– Он не посторонний, – возразила она. – Говорю же – близкий человек. Я Виктора Марковича, когда только на работу пришла, приняла за отца Резникова, так они похожи. Уж потом разобралась, что они просто лучшие друзья, хоть и большая у них разница в возрасте. Доктор очень умный, добрый человек. Мне кучу советов давал, причем бесплатно, давление мерил. И ни разу грубого слова не сказал. Он там свой в доску. Приходил часто, мог остаться ночевать. Но вы лучше про Ивана послушайте.

Варвара затараторила с удвоенной силой…

Прислугу удивляло, почему Ваня не пришелся Резниковым и Комиссаровой по душе. Нормальный паренек, воспитанный, вежливый. К тому же за километр видно, что он обожает Беатрису. И Триси не могла надышаться на жениха. Они учились в одном институте, ходили за ручку и казались попугайчиками-неразлучниками. Борисова даже слегка завидовала им, у нее-то в жизни не случилось такого чувства, когда буквально растворяешься в другом человеке, знаешь его мысли. А эти двое… Если Беатриса начинала фразу, Ваня ее заканчивал, и наоборот. Молодые люди были просто копиями друг друга – имели одинаковые привычки, пристрастия в еде, читали одни и те же книги, увлекались танцами. Глядя на счастливую парочку, Варвара стала верить африканской легенде о том, что бог сначала создал человека из глины, а потом случайно разбил его на две половинки, и с той поры разделенные части постоянно ищут друг друга. Далеко не каждому удается найти свою половину, а вот Ване и Триси повезло встретиться.

Так почему семья Беатрисы мечтала избавиться от юноши? Ответ один: Ваня беден. Его родители рано умерли, мальчика взяли на воспитание дальние родственники, малообеспеченные люди, которые не могли похвастаться накопленным капиталом и подарили сироте только любовь. В Москве Ваня снимал комнату в коммунальной квартире, подрабатывал официантом. Естественно, у него не было ни машины, ни счета в банке. А такой зять, считали родственники Триси, им не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О том, как Татьяна Сергеева превратилась в начальницу, читайте в книге Дарьи Донцовой «Всем сестрам по мозгам», издательство «Эксмо».

2

История знакомства Сергеевой и Кочергиной описана в книге Дарьи Донцовой «Всем сестрам по мозгам», издательство «Эксмо».

3

О том, как Татьяна познакомилась со своим мужем и как потеряла его, читайте в книгах Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!», «Золотое правило Трехпудовочки» и «Агент 013», издательство «Эксмо».

4

Существует подобный яд, но из этических соображений его правильное название не приводится. – Здесь и далее примечания автора.

5

Бисквит – фарфор, который не был покрыт глазурью.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/fua-gra-iz-topora

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить